

ТРЕТЬИ ЯХОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

РЯЗАНЬ
2005

Рязанский историко-архитектурный
музей-заповедник

**СТЕПАН ДМИТРИЕВИЧ
ЯХОНТОВ
(1853 – 1942)**

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»
Архивный отдел Администрации Рязанской области
Государственный архив Рязанской области
Рязанский государственный педагогический университет

ТРЕТЬИ
ЯХОНТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ,
посвященные
150-летию С.Д. Яхонтова
и 120-летию Рязанского музея-заповедника

Материалы научно-практической конференции
Рязань, 12-15 октября 2004 года

ББК 63.3 (2Рос.–4Ряз.)

Т 665

Т 665 **Третьи Яхонтовские чтения.** Материалы научно-практической конференции. Рязань, 12-15 октября 2004 года. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2005. – 592 с.: ил.

Ответственный редактор Т.В. Ерошина

Редакционная коллегия:

*Т.В. Ерошина
Д.В. Губин, канд. ист. наук
И.Г. Кусова, канд. ист. наук
Т.В. Рахманина*

Сборник посвящен 150-летию С.Д. Яхонтова и 120-летию Рязанского музея-заповедника. В него вошли материалы межрегиональной научно-практической конференции, в которых затрагиваются вопросы отечественной истории и культуры, археографии и источниковедения, археологии. Более 80 авторов обращаются к различным проблемам изучения и сохранения духовной и материальной культуры регионов Центральной России, ретроспективно раскрывают на примерах ярких представителей местной культуры актуальные вопросы теории и практики музейного и архивного дела, освещают те или иные аспекты историографии проблем историко-культурного наследия центра России. Сборник рассчитан на исследователей-историков, работников музеев, архивов и библиотек, всех интересующихся вопросами отечественной истории и культуры.

*На обложке: Фрагмент гравюры «Виды губернского города Рязани».
Середина XIX века. РИАМЗ*

ISBN 5–902096–14–6

© ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», 2005
© Государственный архив Рязанской области, 2005
© Авторы, 2005

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. Л. 20 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф. 27. № 24812. Л. 30.

¹¹ РО ИРЛИ (ПД). Ф. 27. № 24812. Л. 30 об., 41 об., 42, 43, 55.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ Иловайский Д.И. Новгородская губерния сто лет тому назад, из биографии графа Сиверса // Русский вестник. 1863. № 12. С. 479–502; Он же. Литературные записки: О характере новгородской аристократии // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. № 170; Он же. Великий Новгород и Белоруссия // Там же. 1864. № 8. С. 645–651; ОПИ ГИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11, 85.

¹⁴ РО ИРЛИ (ПД). Ф. 27. № 24812. Л. 29 об.

¹⁵ Костомаров Н.И. Об отношении русской истории к географии и этнографии // Он же. Исторические монографии и исследования. СПб., 1880. Т. III. С. 358.

¹⁶ Иловайский Д.И. История России. Ч. I: Киевский период. М., 1876. С. V–VII; РО ИРЛИ (ПД). Ф. 27. № 24812. Л. 92: в письме от 5 июня 1876 г. он сообщал Бестужеву-Рюмину о совершенной двухнедельной поездке по Киевской и Черниговской землям, в ходе которой осмотрел четырнадцать городов, и о намеченных путешествиях в Подолье, Подолье, Суздальскую и Новгородскую области, Волжско-Болгарский край.

Д.В. Губин

РЯЗАНСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ И КНИЖНОСТЬ: ОЦЕНКА Д.И. ИЛОВАЙСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ И ПОИСК «ИСТОРИИ» КУЛЬТУРЫ¹

Дмитрий Иванович Иловайский в «Истории Рязанского княжества» с долей осмотрительности склонен рассуждать, прежде всего, о грамотности и затем только, в общих чертах, о местной культуре или книжности. Этому подходу не отказать в стремлении к золотой середине. Правда, при том непременно важно отдавать отчет, что отмеченный принцип не исключает распространения понятия грамотности, в том числе за рамки понятия культуры в современном понимании (по отношению к предмету исторического познания, как совокупности научных представлений о сохранившихся и известных материальных свидетельствах духовной, ментальной и эстетической жизни предков).

Тем не менее, определенному маневру ученого можно и, подчеркнем, необходимо поискать объяснения с более приземленных, реалистических позиций. Потому что иначе достаточно немногословный характер его обращений к рассматриваемой проблеме (оправданный, конечно, отсутствием соответствующих источников) теряет свою действительную, концептуальную значимость. Создается ощущение не столько односторонности, сколько определенного дисбаланса с показанной яркой картиной жизни Рязанской земли, особенно учитывая приверженность Д.И. Иловайского к всестороннему анализу явлений местноисторической жизни. На самом деле, картина совершенно не такая, но, чтобы четко уяснить это, необходим специальный экскурс, с пристальным обращением к конкретным фразам ученого, а также с применением экстратекстуального анализа их значения. Особая задача последующего ана-

литического рассмотрения заключается в том, чтобы на примере творческого опыта автора показать доверие историка к собственной интуиции при одном непременном условии – непротиворечивости результатов исследовательского «первооткрывания» в ходе проблемного рассмотрения максимально возможного ряда известных источников.

Для начала, нужно учесть условия и время появления первого и, без сомнения, глубокого труда Д.И. Иловайского – о Рязанском княжестве (1858)². В атмосфере исканий по вопросу о необходимости переосмысления традиционно ориентированной на Москву позиции гуманитарных наук известным знатоком российской словесности Ф.И. Буслаевым была однозначно сформулирована интенция к отделению «местного, т. е. городского и областного развития русской жизни и литературы от общей хронологической таблицы по векам, в которую бессмысленно помещались факты разных местностей и только производили путаницу в вопросах об историческом развитии древней Руси»³. На фоне четко воссозданного в исследовании В.В. Боярченкова целого «полотна» важной историографической магистральной, на поприще которой подвизался, в том числе Д.И. Иловайский, в связи с данным положением Ф.И. Буслаева показательны, например, представления о книжной культуре Рязани, поскольку о предметном существовании таковой можно было тогда только догадываться. К этому времени появился, в основном без выхода за рамки описательных усилий, лишь ряд ранних обращений к уникальным памятникам рязанской книжности со стороны известного археографа К.Ф. Калайдовича, а также пара внимательных наблюдений А.И. Пискарева⁴. С точки зрения непосредственного технического «инструментария», сочинение Иловайского нашло опору в весьма скупом наборе: публикации Пискарева с предшествующими сочинениями И. Алякринского и Т. Воздвиженского⁵. В узком смысле, интерес к местным древностям, особенно после находки уникального золотого клада на городище Старая Рязань (1822), а также серебряных слитков (гривен) в бывшем Переяславле Рязанском неподалеку от собора свв. Бориса и Глеба (1828)⁶, был хотя и вполне серьезно «подогрет», однако не обеспечен более или менее серьезной базой для аналитических построений.

Во-вторых, кроме фактора недостаточной на тот момент изученности проблемы, отметим, что подход Д.И. Иловайского можно принять за отзыв апологетической тенденции. Он слышится в словах и фразах, выступающих ключевыми в разбираемой области его научного труда: «Что касается вообще до степени образованности в Рязанском княжестве в последнюю эпоху его самостоятельности, то мы думаем, что в этом отношении оно немногим чем отстало от центральных Русских областей... К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы следить за успехами христианской проповеди на Рязанской Украине»⁷. В отношении этого «немногим чем отстало от центральных Русских областей» непременно напращиваются два комментария.

Почему именно отстало? Потому ли, что в определенных научных кругах роль столиц и прилегающих к ним территорий затмевала в ретроспективе любые структурирующие импульсы за пределами некоего центра (и приходилось скупо давать понять, что к прошлому не применимы современные мерки)? Либо существовал какой-то посыл, опиравшийся на традицию: заметное, но, скорее, даже не вполне или не всегда осознанное игнорирование, принижение значения юго-восточного Рязанского региона в прошлом? Судя по тому, что ученый в своих рассуждениях, как и подобает настоящему историку-профессионалу, избегал модернизаций, в более выгодном ракурсе выступает последняя догадка о парадигме, особом строе восприятия конкретной исторической территории.

Позволяя себе небольшие вольности с точки зрения особенностей научного стиля изложения, можно сказать, что опасность упереться в стену диктует в данном случае поиск любых возможностей избежать подобного казуса и указывает путь, может быть, не героический, зато в намечившемся направлении. Вступив на эту «тропу», для начала стоит оценить исторические возможности ретуширования локальных «ландшафтных» перепадов, ранней нивелировки явственных следов тех или иных культурно-исторических и политических традиций, тем более находящихся «под боком». Это заставляет призадуматься о вещах, которые теперь, по прошествии немалого времени, имеют не лишённые смысла, но все же зыбкие с точки зрения строгой научности основания, особенно если взять эту пресловутую традицию. Единственно, на ум все-таки приходит не вполне здесь отчетливая, но устойчивая параллель с эпохой великого князя Олега Ивановича Рязанского – с известным образом, «воздвигнутым» московскими летописцами при освещении событий Куликовской битвы.

Что касается принижения исторической роли Рязанской земли, «оправдательную» диспозицию историка Иловайского при желании можно разъяснить достаточно однозначно. В настоящем контексте заслуживает внимания современный анализ оснований присуждения Иловайскому в 1862 году весьма значимой и престижной награды графа Уварова от Академии наук за его труд о Рязанском княжестве: «В сущности, основу текста “Истории Рязанского княжества” составляют результаты критического анализа показаний источников, главным образом летописных и актов, выполненного на добротном, современном научном уровне». Четырьмя годами ранее строго научная нейтральность работы «сделала неуязвимой позицию Иловайского на защите диссертации». В любом другом случае позиция начинающего ученого, как минимум, была бы оспорена. Коль скоро Н.Г. Устрялов, определявший, достойно ли это историческое исследование названной награды, признавал, «что разбираемая им работа, посвященная истории незначительного, по его мнению, Рязанского княжества, “замечательна по исполнению и цели”»⁸.

При всех оговорках касательно «государственно-юридической» школы и близких ей кругов в русской исторической науке, имея в виду явную убежденность в роли Москвы, как высшего выражения сил русской госу-

дарственности⁹, в наши дни все-таки достаточно трудно представить, чтобы только лишь Московское княжество виделось значимым для историка Н.Г. Устрялова, чтобы образ будущей столицы совершенно перечеркивал роль и других русских территорий «удельного» времени. При общей положительной оценке уровня анализа источников, методов и приемов работы с ними, с формальной точки зрения рецензент параллельно продемонстрировал совершенно противоположное видение узлового аспекта любого исторического исследования – его объекта.

В рамках одного из главных выводов В.В. Боярченкова встречаем характерное замечание, которое с точки зрения представления об «органическом» принципе научного познания у историков-«Федералистов» весьма и весьма показательное: «Романтическое постижение истории, приверженцами которого все они в большей или меньшей степени были, предполагало наличие принципиального тождества между познающим ученым и предметом его познания»¹⁰. У рецензента XIX века в оценочном суждении очевидно глубокое противоречие, все остальное составляет лишь «штрихи» к нему. Если видеть логику в том, что высокими наградами отмечаются все же какие-то более широкие сравнительно с «техническими» аспектами достижения, само по себе улетучивается сомнение, что представленный работой Иловайского анализ этих самых источников свидетельствует, по меньшей мере, о надуманности высказанной оценки в отношении объекта исследовательского интереса. Но надуманности, внесем небольшой нюанс, возникшей далеко не на пустом месте, судя по тому, что рецензентом, дающим такие концептуалистские оценки, выказана приверженность лишь «критической разработке собранных фактов и материалов»¹¹.

В таких условиях у историка совершенно исчезало пространство для тех или иных стратегических догадок, которые непременно сопутствуют процессу научного исторического познания. Но в настоящем частном рассмотрении хотелось бы все же подчеркнуть, что текст «Истории Рязанского княжества» для внимательного читателя, к счастью, не лишен определенных «указателей», оставленных автором-«первопроходцем» на пути его здоровой исследовательской интуиции.

Увидеть же движение к верификации определенной мысли помогают данные, полученные наукой в последующие почти 150 лет после выхода в свет первого обобщающего аналитического исследования по истории Рязанского княжества. Надо сразу пояснить, что, кроме специальных исследований, посвященных совершенно иным, как можно будет заметить, вопросам, на протяжении существенного отрезка времени (особенно если учесть нарастающие темпы прироста и разветвления исторического знания во второй половине XIX и в XX веке) только монография А.Г. Кузьмина о рязанском летописании¹² в паре с монографией А.Л. Монгайта об археологическом прошлом Старой Рязани¹³, на мой взгляд, стоят в том ряду, что начат книгой Д.И. Иловайского. Поэтому до сих пор научное наследие Иловайского в отношении рязанской истории

сохраняет актуальность, прежде всего, потому, что в нем дано представление об исторических взаимосвязях и взаимообусловленности природо-хозяйственного, политико-экономического и культурного ландшафта Рязанской «украины».

Итак, кажется неслучайным, что так называемая «украина» понималась автором достаточно широко, особенно для конца XIV и XV века. Историк, например, впервые четко указал на важность западного, смоленского направления рязанской великокняжеской политики эпохи ее расцвета. Может статься, что вполне уместно будет вспомнить здесь, к примеру, о галицком происхождении рязанского епископа XV столетия Ионы I, будущего митрополита. Небезынтересны в этом контексте два других по ходу возникающих свидетельства. В Зарайске, а затем в Рязани XIX века бытовала рукопись Евангелия апракос 1467 года, которая была написана в Галиче¹⁴. Крайне любопытно известие М.И. Догеля о редкой монете последней четверти XIV века князя Димитрия-Корибута Ольгердовича с надчеканкой, близкой, скорее всего, рязанской тамге¹⁵. И, наконец, Д.И. Иловайскому принадлежит мнение о том, что епископ Иона I управлял уже объединенной Рязанской и Муромской епархией, то есть ученый здесь вполне доверился свидетельству Жития¹⁶. На самом деле все это достаточно неожиданно, но существенно расцвечивает и без того живописный ракурс.

Недавно в результате комплексного текстологического исследования Е.В. Антоновой установлено, что известный южнославянский книжник Пахомий Логофет (Серб) в какое-то время XV столетия работал над тремя княжескими службами, а именно: свв. Михаилу и Федору Черниговским, свв. Петру и Февронии и свв. Борису и Глебу¹⁷. Не вдаваясь вновь во все мельчайшие (и не очень) детали указаний на возможность знакомства рязанских книжников, работавших при рязанской Борисо-Глебской кафедре, с творчеством или работой Пахомия Сербского¹⁸, бросается в глаза единство творческо-идейного императива отмеченных памятников. Вместе с догадками Иловайского по поводу «Рязанской области... взятой в обширном смысле»¹⁹, а также данными Пискарева о книжной «вехе» рязанского епископа Ионы I²⁰ и одновременно о его троицком периоде служения (а, как известно, Пахомий одно время также пребывал в Троице-Сергиевой лавре) к общей содержательной особенности трех отмеченных служб святым хочется добавить еще и возможность их общей географической привязки, во всяком случае, географически непротиворечивой привязки. Если это когда-то подтвердилось бы более определенно, возникла бы полная уверенность в рязанском знакомстве с творчеством крупнейшего книжника. Но даже и так имеющиеся в распоряжении современного исследователя факты нельзя игнорировать.

Перейдем к следующему наблюдению искусного и осторожного «резчика» фигуры древнерязанской истории. Вот что Д.И. Иловайский пишет о местном летописании: «Все наши поиски в этом отношении приводят только к тому предположению, что существовали, вероятно, и рязанские

списки летописей, вроде летописи Переяславля Суздальского, и что из этих-то списков позднейшие летописные сборники заимствовали многия подробности о рязанских событиях, отличающиеся иногда удивительною точностию, но всегда более или менее отрывочныя»²¹. В этом смысле заслуживают внимания самые первые строки рассматриваемого исторического сочинения: «Главным источником для этого труда послужили русския летописи, преимущественно северныя. Хотя известия о Рязанских событиях в них вообще редки, отрывочны и местами пристрастны ... »²². Фактически он признает, что вопрос о существовании особой рязанской летописи остался далеко неясен. Между прочим, это по большому счету соответствует наблюдениям и выводам последующих летописеведов-текстологов: часто отмечается емкость и заметная острота идейно-политической направленности в рязанских летописных записях и повестях, но в то же время их единичность, нецелостность. Так, А.Г. Кузьмин, несмотря на реальные успехи летописеведческой науки, не спешил окончательно постулировать существование единой рязанской летописи, например, в эпоху расцвета княжества при великом князе Олеге Ивановиче, поскольку в результате «какую-то сводку» находившихся в Рязани материалов он отнес все же лишь к началу XV века²³.

Серьезные опыты в области актового источниковедения проступают, в чем-то затейливо, в наблюдении Иловайского о филологических особенностях рязанских грамот в сравнении с московскими: «укажем... на большую простоту оборотов и большую близость к разговорной речи. В последнем явлении, конечно, отражается меньшее влияние книжного церковнославянского элемента на древнерязанскую грамотность»²⁴. Как увидим, весьма тонкое наблюдение ученого в то же время наверняка отчасти и интуитивно – это один из наиболее впечатляющих примеров авторского предвидения, понятно, не во всем непогрешимого. С учетом норм современной археографии, книжный язык и язык актовых источников требует разграничения – это не одно и то же. Но важнее, несомненно, совсем другое. Ученым в XIX веке подмечена тенденция, которая может быть своеобразно проиллюстрирована на одном примере из творчества книгописцев.

Нам уже приходилось обращать внимание на известную в литературе приписку бытовой «перебранки» в написанной в память смоленского князя Глеба Святославича Псалтыри собрания П. Фролова из Российской национальной библиотеки (Ф. п. I.3). Эта приписка поясняет оригинальный инициал в виде рыбаков с сетью: левый рыбак – «Потяни, корвин сын»; правый в ответ – «сам еси таков». С рукописным кодексом рязанские книгописцы, по крайней мере, могли быть визуально знакомы, так как подобный, редкий по сюжету тератологический инициал встречен недавно во вновь открытой уникальной рязанской рукописи позднейшего происхождения²⁵. Псалтырь же Т.В. Ильина отнесла к новгородской традиции²⁶, что, как нами отмечалось ранее, небесспорно. Как бы то ни было приписка обязательно должна рассматриваться в свете наблю-

дений Б.А. Успенского о ситуации двуязычия, смысловой заменяемости в древнем восприятии и применении церковнославянского и русского языка: «... отклонение от нормы правильного поведения в условиях церковнославянско-русской диглоссии не является кощунством ... недопустимо и кощунственно смешение разных планов поведения, то есть нарушение соответствия между речевым поведением и ситуацией»; «... практически невозможным оказывается избежать *греховного* поведения – избежать можно только поведения *кощунственного*»²⁷. (Выделено. – Б.У.) В свете этих данных появление бытовой «перебранки» не есть кощунство, так как ее текст не смешан с сакральным, книжным языком, что убеждает в возможности далеко идущей смысловой трактовки элемента разговорной речи в пространстве книжного языка Фроловской Псалтыри.

Хотелось бы еще только заметить, что обращение Иловайского к отмеченной рязанской особенности применения церковнославянского языка не исключает, но, наоборот, подтверждает актуальную на современном этапе апелляцию к архаичности рязанской письменности, как отличительной черте местной культурной традиции.

Тут вновь возникает необходимость расстановки известных акцентов, особенно при знакомстве с одной небольшой, но исключительно содержательной работой С.Б. Веселовского (1926). В его книге, наряду с особенностями актов Новгорода и Московского государства, специально отмечены только рязанские памятники: «Грамоты Рязанского княжества настолько отличаются от грамот всех остальных княжений, что нуждаются в особом исследовании»²⁸. Но в дальнейшем рассуждении автора сначала появляется уступка: «Если рязанские грамоты XVI века, а может быть и всей второй половины XV-го, представляются уже анахронизмом, то, с другой стороны, их архаичность представляет интерес, как остаток глубокой старины»; затем фактически следует отступление, в форме окончательного и бескомпромиссного заявления: «...рязанские грамоты повторяют архаические формулы до последних дней независимости Рязани, когда эти формулы уже совершенно не отвечали действительности»²⁹. Можно сказать, что при всей проглядывающей мотивации крупного источниковеда, не способного игнорировать «брошенный вызов» (особенностям рязанских актов посвящена, пусть небольшая, но глава!), приходится констатировать, что в стороне осталось самое важное – причины стойкого сохранения архаичного формуляра, по крайней мере, анализ возможности таковых в более широком понимании.

Наконец, Д.И. Иловайский обратился, и это крайне важно, к любопытным свидетельствам второй половины XV – первой половины XVI века у иностранцев Контарини, Барбаро и Герберштейна – о Рязанском княжестве, как одной из самых процветающих русских областей в смысле природо-хозяйственного изобилия. Свидетельства о Рязанской земле венецианцев Иосафата Барбаро и Амвросия Контарини (вторая половина XV века) перекликаются с более ранними наблюдениями участников миссии Пимена в Константинополь (конец XIV века), а также данными

жалованных грамот рязанскому духовенству³⁰. Барбаро принадлежит общая оценка рязанских реалий: «Жители здесь все христиане и исповедуют веру Греческую. Страна... вообще лесиста и довольно хорошо населена»³¹. Самая лучшая характеристика рязанского благосостояния первой четверти XVI столетия принадлежит Сигизмунду Герберштейну: «Эта область есть самая плодоносная между Московскими провинциями ... Здесь великое множество меду, рыбы, птиц и зверей ... Берега [Оки. – Д.Г.] покрыты густыми лесами... эта река славится богатством рыбы»³². Судя по всему, ввиду именно этих прозрачных указаний, Д.И. Иловайский зафиксировал основной путь выяснения связей достаточно отдаленных русских территорий: «Нет никакого сомнения в том, что предприимчивые Новгородцы вывозили отсюда сырые материалы и сбывали их в Западную Европу»³³. Не похоже, чтобы ученый был настроен оценивать торгово-экономические связи разных областей узко. Совершенно очевидно если не определяющее, то важнейшее значение подобных связей.

Относительно же исходных исследовательских оснований для цельного показа местных реалий «быта» позиция Д.И. Иловайского в тексте «Истории Рязанского княжества» вполне красноречиво предстает следующим образом: «Отчетливое изображение древнерязанского быта невозможно до тех пор, пока не будут собраны и изданы в значительном количестве местные предания, песни, поверья, остатки прежних обычаев; пока русская археология и филология не приведет в известность и не объяснит хотя наиболее замечательных памятников рязанской письменности, а равно и памятников искусства, принадлежащих Рязанскому краю»³⁴.

Здесь автор не мог не догадываться о потенциальном требовании подобной «программы» относительно переатрибуции некоторых известных памятников, равно и памятников, которые будут атрибутироваться в ключе намеченной ранее традиции. Важно отметить, что в положительной рецензии 1859 года на труд Д.И. Иловайского о Рязанском княжестве А.А. Григорьев зорко бросает «хлесткий» вывод: только в общем уровне развития русской исторической науки причина того, что «труд этот есть *только* история Рязанского княжества, тогда как везде у автора проглядывает стремление писать историю Рязани как одного из элементов, из которых сложилась русская земля»³⁵. Надо, наконец, на современном этапе тоже иметь смелость признать, что в строгом и неутешительном, в общем, вынужденном суждении Аполлона Григорьева об уровне научных представлений о рязанской истории различимы некоторые основания, дающие себя знать до сих пор.

Тем не менее, не будем забывать, что Д.И. Иловайским было сформулировано положение о достаточном уровне грамотности в Рязанском княжестве. Нельзя не оценить в этом тезисе смелость автора, работавшего в условиях фактического отсутствия каких-либо исследований, специально посвященных средневековой рязанской культуре в целом или в частности. Подобная смелость в науке может быть порождением только

изрядной убежденности в определенных и немалых достоинствах предмета и объекта своего ученого труда, иначе и быть не может в знаковых исследованиях, а также удивительная пластичность и динамика мысли автора, основанная, несомненно, на вдумчивом прочтении известного круга источников в максимально широком охвате.

В заключение стоит попытаться заострить внимание на том, сколь значима в науке роль в лучшем смысле авторитетных ориентиров. Безусловно, даже если подобные указания носят общий характер. Наблюдения и суждения русского историка о рязанской грамотности находят подтверждения в новейших исследованиях, которые привносят долю независимой объективации в рассмотренные ходы автора. В свою очередь, современные данные, в основном косвенные, нуждаются в опоре на продуманную концепцию – чтобы было, от чего отталкиваться. Только в этом случае «камешки» действительно могут «заиграть», высвечивая скрытые пространства потаенного движения. В той точке, в которой находится отечественная историческая наука сегодня, медленно, но крайне настойчиво ощущается приближение прорыва в представлениях о древней рязанской культуре, что вполне соотносится, в первую очередь, с логикой рассуждений Д. И. Иловайского в смысле не востребованного потенциала изучения проблемы грамотности в Рязанском княжестве. Но все же бросается в глаза и тот факт, что этот в чем-то выведенный логически, а в чем-то интуитивно «задетый» историком потенциал, уже давно осознанный масштаб его, к большому удивлению, пока далек от того, чтобы расценить таковой хотя бы в полной мере общепризнанным. Зачастую, в специальных исследованиях, имеющих отношение к региональному принципу, богатая смысловая нагрузка выводов выдающегося ученого, на мой взгляд, незаслуженно остается в стороне³⁶. А ведь было бы закономерно при внедрении нового самостоятельного элемента наблюдать необходимую проверку существующих компромиссных основ в тех или иных областях науки.

Вся проблема, видимо, в том, что нужно отдать дань определенному историческому пути, и, видимо, немаленькому пути. Скажем так, речь может идти о специфическом восприятии одной из исконных русских областей. Как известно, долгое время Рязань стратегически соседствовала с кочевой степью, воспринимала непосредственное движение «духа южна». Судя по тому, что означенная традиция глубинна в своей основе, ей не вполне даже удастся подыскать соответствующее определение. Дело осложняется еще и тем, что необходимо учитывать вектор смещения центра тяжести от реальных исторических событий к их преломлению в историческом сознании. Всему этому не помешало бы найти возможные объяснения, более пространные истолкования и оценки, попытаться комплексно взглянуть на истоки этой дилеммы и хотя бы грубым пунктиром дать абрис исторического «русла» в целом. На сегодняшний день можно только осторожно догадываться, насколько замысловато сравнительная близость Рязани и Москвы, быть может, неслучайная, могла находить те или иные проявления в эпоху Средневековья (особен-

но до XVI столетия включительно). Нужно тогда тщательно взвесить все «за» и «против» относительно этих проявлений в той части историко-культурного спектра, которая могла выдаваться за пределы пространственных и терминологических категорий, количественных величин. Впрочем, легко догадаться, что все это – не более чем сугубо предположительные, субъективные, хотелось бы только надеяться, не слишком тяжеловесные в сравнении с интуициями Д.И. Иловайского, ощущения автора. Кажется, наконец, что постепенно более четко проступающее направление может в скором времени вновь обнаружить какие-то знаки-«зарубки» при условии осмысленного продвижения вперед.

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, который был прочитан автором на Чтениях памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского, проходивших в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике 24 февраля 2005 года.

² Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Репринтное воспроизведение издания 1884 года. Рязань, 1990.

³ Цит. по: Боярченко В.В. Историко-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб., 2005. С. 182. Наряду с концептуальными положениями видного ученого XIX века, любопытно взглянуть на ряд древних городов, они, по мнению Буслаева, «сберегли свои местные преданья и сказания, которые дают особую нравственную физиономию каждому из них»; в соответствующей последовательности это – Новгород, Муром, Ростов, Рязань, Смоленск, Псков (с. 180).

⁴ См.: Губин Д.В. Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. Диссертация... канд. ист. наук. Рязань, 2004. С. 15–17.

⁵ См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. IX–X.

⁶ Приложение к Журналу заседания РУАК 6 октября 1885 г. Сообщ. В. Лашевский // Труды РУАК. [Т. I] [Рязань, 1886.] С. 15; помимо этого, весьма любопытно, что в XIX веке в МГАМИД обнаружился портфель Г.Ф. Миллера с материалами по рязанской истории XVI века, в том числе на немецком языке – см.: Приложение № 5 к Журналу заседания РУАК 13 января 1885 г. Сообщ. И. Токмаков // Труды РУАК. [Т. I] [Рязань, 1886]. С. 41.

⁷ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 197.

⁸ Боярченко В.В. Указ. соч. С. 92.

⁹ Об этом на примере научного спора К.Н. Бестужева-Рюмина и «государственника» Ф.М. Дмитриева подробнее см.: Там же. С. 163–178.

¹⁰ Там же. С. 251.

¹¹ Цит. по: Там же. С. 92.

¹² См.: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

¹³ См.: Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955.

¹⁴ Губин Д.В. Указ. соч. С. 151.

¹⁵ См.: Догель М.И. Неизданная русская монета XIV века // Записки нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. II. Вып. 3–4. СПб., 1913. С. 85–89.

¹⁶ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 198.

¹⁷ См.: Антонова Е.В. Службы свв. Борису и Глебу в книжности Древней Руси. Автореферат дис... канд. филолог. наук. М., 1997. С. 1–16.

¹⁸ См.: Губин Д.В. Рукописные книги РИАМЗ XV–XVI вв. и вопросы рязанской книжности // Труды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Сборник научных статей. Вып. 2. Рязань, 2004. С. 18–19.

¹⁹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 198.

²⁰ См.: Губин Д.В. Источники... С. 145–146.

²¹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 203.

²² Там же. С. IX.

²³ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 255.

²⁴ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 203.

²⁵ См.: Губин Д.В. Поздние образцы чудовищного (тератологического) орнамента в рязанских рукописях XV–XVI вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Сборник научных статей. Рязань, 2004. С. 180–181, 184; о вероятности рязанской атрибуции памятника, о практической полной уверенности в его рязанском бытовании в XVI столетии см.: Губин Д.В. Рукописные книги... С. 33–34. Прим. 48; рязанское же по происхождению Евангелие с записью 1544 года (известное в дореволюционной литературе, в некоторых случаях, как Боголюбово Евангелие), которое в 2003 году обнаружено в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, имеет еще, как минимум, два орнаментальных элемента (наверняка их больше), которых можно попытаться найти аналогии в других древних рукописях: Ф.И. Буслаевым в его сборнике пространных рецензий на работы по истории книжного орнамента, в том числе на альбом орнаментов В.В. Стасова, воспроизведена, в частности, тератологическая заставка Псалтыри XIII–XIV вв. из библиотеки Ново-Иерусалимского монастыря под № 6 (два фантастических птицеобразных существа, которые искусно украшены мельчайшими кружочками и ресничками, смотрят друг на друга, «пробив» своими головами рамку заставки), а также редкий среди известных образцов тератологического орнамента инициал «В» в виде пишущего книгу писца (в профиль, с ориентацией на восток) в Евангелии 1323 г. из собрания А.И. Хлудова под № 29 – см.: Буслаев Ф.И. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917. С. 27 (рис. 34), 35 (рис. 46); ср.: Стасов В.[В.] Славянский и восточный орнамент по рукописям древняго и новаго времени. [В 2-х ч.] [Ч. 2.] СПб., 1887. Л. LXXXV (заставка в рукописи на л. 97; инициал на л. 239).

²⁶ См.: Ильина Т.В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII–XV вв. Л., 1978. С. 67–69.

²⁷ См.: Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989. С. 209, 217.

²⁸ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52. Как минимум уже 70 лет назад назревшая необходимость «особого исследования» рязанских актов в настоящее время обнаруживает, к сожалению, пока только тенденцию к подготовке его, да и то опять с обращения к деталям, подобным употреблению в тексте актов малоизученных рязанских терминов, в первую очередь, «резанки и 60». Некоторое время тому назад им уделено предварительное внимание А.А. Гомзиным. В свое время еще Л.В. Черепнин бегло упомянул об обращении к этим терминам С.Б. Веселовского в настоящей работе (см.: Черепнин Л.В. Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 525). В последнее время лишь в издании Российского государственного архива древних актов А.В. Антоновым в двух статьях специально охарактеризовано специфическое местное явление «нагодчины» (Антонов А.В. Из истории нагодчины в Рязанской земле // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 152–158; Он же. Новый источник по истории нагодчины // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 5–8). Это явление затронуто в том же издании и А.В. Азовцевым (Азовцев А.В. К истории землевладения Рязанского Духова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 48–58). Более подробно о рязанских актовых источниках в освещении Л.В. Черепнина, в частности, о его внимании, наряду с последующим обращением С.И. Сметаниной, к феномену рязанской нагодчины см.: Губин Д.В. Рязанские акты в комментариях Л.В. Черепнина (к «локальной» философии истории) // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе (в печати).

²⁹ Там же. С. 54, 58.

³⁰ См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 178–179.

³¹ Там же. С. 177.

³² Там же. С. 179.

³³ Там же. С. 201.

³⁴ Там же. С. XI.

³⁵ Цит. по: Боярченков В.В. Указ. соч. С. 95.

³⁶ Равно как и сущность прозорливого суждения П.Н. Милюкова, на которое в устной беседе автору настоящей статьи указано В.В. Боярченковым, – относительно выяснения истоков позднейших перекосов в сторону «москвоцентристских» приоритетов в изображении русской исторической действительности. Обращаясь к XV и XVI столетиям, Милюков находил именно в те времена «реальную надобность в разбираемой философии истории и реальную обстановку, объясняющую ее происхождение» (Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 175).

Л.В. Чекурин

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЙ РУСИ

Ока – «самая русская из всех русских рек».

М.М. Пришвин

Начало Руси – проблема, в решение которой на протяжении веков были втянуты сотни историков, лингвистов, археологов, фольклористов. Историография данного вопроса имеет свои особенности и вековые традиции. Проблема Азово-Черноморской Руси, как один из аргументов, просматривается в полемике норманистов и антинорманистов. Ставя во главу угла происхождение древнерусского государства, а не его народ и его язык, многочисленные авторы почти заслонили в имеющейся литературе традицию, усматривающую в античной древности славян Северного Причерноморья. Упоминание об этом есть и у «норманистов», и у их противников. Н.М. Карамзин свою историю государства Российского начал главой «О народах, издревле обитавших в России, о славянах вообще», в которой привлек сочинения античных авторов, главным образом Геродота, его известия древнейших обитателей Причерноморья: скифах, готах, венедах, гуннах. Если славяне и венеда составляют один народ, предположил Карамзин, то предки наши были известны грекам и римлянам с VI века. Его современник Иоган Эверс в «Истории руссов» находил, что гораздо «естественней искать руссов при Русском море, нежели при Варяжском». Исходной датой для руссов он считал 532 год. В труде «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» уделил немало места докиевскому строю славян¹.

В речи, произнесенной в собрании Одесского Славянского Благотворительного Общества в память 900-летия принятия христианства, Ф.И. Успенский, не мучая слушателей изложением темных и запутанных полемик норманистов с антинорманистами, удачно осветил эту полемическую

Дорога Касимовская шла из Москвы южнее Ильинского Погоста, который был центром Гуслицкой волости. Далее к северу по Мерской Рязанская земля не простиралась, ибо волости Гуслица, Сельня, Вохна принадлежали Дмитровскому княжеству.

Известно, что в 1301 году Московский князь Данила Александрович захватил Коломну и присоединил ее к Московскому княжеству. Рязанцы не могли долго противиться этому – их князь Константин Романович пребывал в плену, а впоследствии был убит.

Со времени завоевания Коломны и примыкающих к ней местностей там стали возникать села, погосты, волости и деревни. Коломенский удел стал для Москвы самым важным из всех уделов. В XIV веке на этой территории возникли волости Холм и Мещерка (1358), Раменка и Кочема (1389), а в XV веке – Высоцкая. Одной из крупнейших волостей была Мещерская. В XVI веке она занимала половину современного Егорьевского района.

Граница Рязани шла вдоль Касимовской дороги через территорию этих будущих волостей. К северу от этой дороги протекала река Цна, за которой были земли Владимирского княжества, в том числе Шатурская волость, присоединенная в конце XIV века к Москве из Муромы.

В 1382 году был заключен договор между Московским и Рязанским князьями о разделе земель. Граница ниже Коломны по Оке шла до устья Цны, а далее по Цне вверх до среднего ее течения, где начиналась Владимирская земля, Касимовская дорога, проходя через Цну, поворачивала к реке Литовке (в прошлом Литвуна), на которой стоял Кир Михаил Пронский, дорога вдоль Литовки шла к селу Середники.

Таким образом, Коломенский уезд составлял большую территорию, на которой впоследствии образовались Коломенские волости – Холмская, Мещерская, Раменская, Крутинская, а в XV веке и Высоцкая, составившие позднее Егорьевский уезд.

О том, что граница Рязанской земли простиралась до реки Мерской и шла вдаль Касимовской дороги, высказался А. Юшко¹.

¹ См.: Юшко А. Опыт комплексного использования источников при изучении географии Московской земли в XII–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л., 1987.

Д. В. Губин

К ВОПРОСУ О РЯЗАНСКОМ ВКЛАДЕ В ДЕЛО НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Движение против церковного материального стяжания на Руси представляло собой многоаспектное явление прогрессивной мысли Средневековья. Зарождение и наиболее существенное развитие этого течения связывают, в первую очередь, с рядом территорий Северной и Северо-Запад-

ной Руси. Надо заметить к слову, что имеется целая группа отдельных фактов, со значительной вероятностью указывающих на связи книжной культуры Рязани с крупными севернорусскими центрами книжности в третьей четверти XVI века¹. Но, судя по всему, рязанские книжники могли соприкоснуться с северной традицией еще раньше – уже около середины столетия. Главной цели настоящего рассмотрения служит поиск оснований для заключения, что в середине XVI века в том числе рязанская культура и книжность могли в известной мере поспособствовать нестяжательству.

Рязанский владыка Кассиан (1550–1554) до принятия епископского сана, по предположению П.М. Строева и по мнению А.А. Зимина, был архимандритом новгородского Юрьева монастыря². Обратим особое внимание на указание А.А. Зимина о времени назначения рязанского владыки – конец 1550 – начало 1551 года – в контексте непосредственной подготовки к начавшемуся в феврале 1551 года Стоглавому собору. На одном из крупнейших русских церковных соборов епископ Кассиан оказался единственным среди высших иерархов, кто не разделял идеологии иосифлян. Собору была представлена царская программа о судьбах монастырского землевладения в виде вопросов, составленных, как считают, под влиянием протопопа Сильвестра и старца Артемия. Оценивая значение нестяжательской поддержки царя на раннем этапе его противоречивой политики в смысле широких итогов Стоглава, А.А. Зимин разделяет характеристику С.В. Бахрушина о последующей церковной реформе, как компромиссе «между иосифлянским большинством собора и нестяжательским окружением Ивана Грозного»³. Стоит оговориться, что на связи поставления названного епископа с началом работы Стоглавого собора А.А. Зимин сколь-либо подробно не останавливается. Предлагаемая работа должна, кроме прочего, показать, что такая связь достойна специального анализа.

Несомненно, епископ Кассиан Рязанский разделял позицию нестяжателей середины XVI века, в частности, был близок по взглядам видному последователю заволжских старцев Артемию, которого с начала 1550-х годов стали обвинять в еретических настроениях. Есть все основания полагать, что рязанский владыка Кассиан был единственным среди высших церковных иерархов, кто выступил на соборе в защиту старца Артемия (последнего окончательно осудили в январе 1554 года). Он также заступился за соловецкого монаха Иосафа Белобаева, другого нестяжателя, обвиненного в ереси⁴. В контексте этого «дела» о нестяжателях важные биографические сведения о знакомстве рязанского церковного иерарха с соловецким старцем приводит историк церкви А.В. Карташев: «...соловецкий монах Исаак Белобаев, бывший старцем в монашестве Рязанского епископа Кассиана»⁵. Отсюда, наверное, следует, что Кассиан мог быть постриженником севернорусской обители.

В самом конце 1553 года был созван специальный собор, на котором обвинили в ереси Матвея Башкина, затем серьезной критике подверглись взгляды и, видимо шире, общественно-политическая позиция

епископа Кассиана Рязанского. Об этом свидетельствует «Сказание вкратце о соборе на Матвея на Башкина, на еретика, и о епископе Касьяне Резанском» (текст опубликован), что нашло отражение, в частности, и в «Жалобнице благовещенского попа Селивестра»⁶. Признанный «нервно больным» рязанский владыка осуждался за критику сочинения Иосифа Волоцкого против новгородских еретиков «Просветитель» (сходное обвинение было выдвинуто и против старца Артемия)⁷. Через рязанского архиерея с названным сочинением могли познакомиться местные книжники, либо рукописные списки «Просветителя» получили распространение в Рязани уже раньше. Последнее вероятно ничуть не менее, может быть и более.

Епископ Рязанский и Муромский, как и известный благовещенский протопоп Сильвестр (новгородец по происхождению, который был близок умеренным нестяжателям), также резко отрицательно относился к использованию труда холопов⁸. Видимо, такая позиция протопоба Сильвестра и епископа Кассиана Рязанского, вкупе с заметной гибкостью отношением к движению против церковного стяжания, далеко не случайно напоминает и даже перекликается с важнейшими требованиями радикальных сил среднего, городского бюргерства юго-западных германских земель первой половины XVI века. Отдельные его представители, между прочим, указывали на необходимость государственной централизации немецких земель, «что отвечало интересам подавляющего большинства населения Германии, крестьянства в том числе»⁹. Таким образом, не может вызывать никаких сомнений активное участие рязанского владыки Кассиана в бурных церковно-политических событиях середины XVI столетия. Многие исследователи склонны видеть в них проявление реформационно-гуманистического мышления, которое в определенных моменты было не чуждо, как известно, и царю Ивану Грозному¹⁰. Позиция рязанского церковного иерарха, несомненно, требовала познаний в книжной мудрости.

О подобных познаниях можно судить на данный момент только по косвенным признакам. Известно Евангелие 1551 года (БАН, собр. Соловецкого монастыря, № 1), написанное Иосафом Белобаевым. Рукописный кодекс представляет интерес в художественном отношении: «... евангелисты изображены стоящими и пишущими на подвешенных свитках»¹¹. Н.Н. Розовым на примере этого памятника, созданного близким рязанскому владыке соловецким монахом, показано пересечение на Соловках новгородских и московских художественных традиций в годы настоятельства Филиппа (Колычева), будущего пронестяжательски настроенного митрополита. Возможно, оправдано представление о том, что с отмеченными явлениями в книжном творчестве могли быть знакомы также в Рязани около середины XVI столетия.

В представлении о рязанских связях с общерусскими книжными центрами существенная роль должна принадлежать, наверно, и другому традиционному центру средневековой книжной культуры и, одновременно,

нестяжательства XVI века – Кирилло-Белозерскому монастырю. Богатая библиотека обители уже с XVII века стала источником пополнения государственных, корпоративных и частных собраний¹². Однако до нас все-таки дошла рукописная книга, свидетельствующая об определенных рязанско-белозерских книжных связях XVI столетия. Это Апостол тетр XVI века (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 112/117), в котором на листе 457 об. записано: «Сия богоглаголемая книга Кириллова монастыря дана на Рязань в церковь чудотворца Кирилла в ...Никитинсково»¹³. Очевидно, в какой-то период эта рукопись опять возвратилась в Кирилло-Белозерский монастырь. Любопытно, что в некоторых белозерских грамотах первой половины XV века фигурирует пресловутая «резанка», известная в текстах монастырских документов, относящихся к малоизученному корпусу рязанских актов периода независимости¹⁴. А о возможных рязанских контактах с авторитетной книгохранительной в 50-е годы XVI века может свидетельствовать то, что епископ Кассиан Рязанский после 1554 года, по мнению некоторых исследователей, оказался в Кирилло-Белозерском монастыре¹⁵. Важно, что рязанские книжники действительно могли поддерживать контакты с известной обителью. Однако картина этих связей пока не поддается более существенной реконструкции ввиду отсутствия достаточного количества известных нам сохранившихся и выявленных источников, необходимых для более конкретных выводов.

Очевидно, владыке Кассиану мог принадлежать рукописный «Сборник» второй четверти XVI века (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 566), позднее попавший к другому рязанскому епископу Леониду (Протасьеву) (1573–1586). В качестве бывшего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря последний сделал целый ряд вкладов в обитель в составе достаточно многочисленных книг с чертами современного западноевропейского художественного влияния, с признаками немецко-итальянских технологических приемов и орнаментальных принципов¹⁶. В этом смысле достоин особого внимания тот факт, что среди рязанских архиерейских кодексов еще в XVIII веке были и собственно «немецкие» книги (три из упоминаемых пяти «старинные»)¹⁷. Несомненно, примечательно в этом смысле замечание предшественника Я.А. Коменского историка А. Венгерского о «массовом вывозе... протестантских книг коренными жителями России к себе на родину»¹⁸. Н.Ф. Дробленкова считает возможным говорить о том, что Леонид Протасьев мог унаследовать от своего предшественника по рязанской кафедре не просто одну книгу, а владычную библиотеку. Возникшее в качестве сугубо предположительного суждения это мнение в свете настоящего разыскания, судя по всему, может привести к уточнению и детализации отдельных положений малоизученной проблемы, первоначально привязанной главным образом к личности Леонида Протасьева¹⁹. Скорее всего, «немецкое» влияние в рязанских книгах, рязанское бытование собственно западноевропейских оригиналов нужно связывать как с лично-

стью епископа Кассиана, так и с личностью епископа Леонида. В широком историческом ракурсе нельзя исключать и более ранний местный опыт знакомства с явлениями и памятниками европейской книжной культуры.

Еще в 1860-е годы Н.С. Тихонравов полагал, что названный «Сборник» возник, вероятно, накануне Стоглавого собора. Ученый отметил в составе рукописи несколько статей, которые полностью или частично вошли в Стоглав (Кормчая Вассиана Патрикеева, заметка «о церковных неисправностях», «Слово о крестящихся» и другие). В качестве доказательства книжных связей бывшего рязанского владыки с Кирилло-Белозерским монастырем Н.А. Казакова привела данные о книжном вкладе Кассиана в Кирилло-Белозерскую книгохранительную в 1557 году. Автор поддержала мнение о первоначальной принадлежности Сборника владыки Леонида Кассиану Рязанскому и предложила, в целом, названную датировку этой рукописи. Кроме того, Н.А. Казакова существенно развивают выводы исследователя XIX века, предполагая творческий подход первого владельца: «Возможно, что Кассиану, тесно связанному с Кирилло-Белозерским монастырем, принадлежала новая переработка «Собрания некоего старца»». Список «Собрания» в настоящей рукописи относится к третьей редакции, представляя ее краткий вид²⁰. Популярность и связанную с ней текстологическую вариативность этого нестяжательского сочинения Г.Н. Моисеева связывает с исключительным интересом широких социальных кругов в первой половине XVI века к вопросу о церковном и монастырском землевладении: «...списки с произведений Вассиана Патрикеева могли расходиться еще до того, как он успел окончательно закончить свою работу». Завершенный вид «Собрание», представленное одним из списков Кормчей, обрело у Вассиана Патрикеева после 1518/9 года, когда в Россию прибыл другой видный деятель нестяжательского направления Максим Грек²¹.

Любопытно, что в описи имущества Рязанского архиерейского дома середины XVIII века в книгохранительной была зафиксирована «Книга Максима Грека писмен(н)ая»²². Это свидетельство, хотя и не относится к обозначенной формулировке темы непосредственно (имеется в виду другая хронология этого книжно-рукописного памятника, который, судя по всему, сохранился до нашего времени в одном из собраний ГИМ²³), не позволяет исключить возможность местного более раннего бытования отдельных списков сочинений известного книжника. В первой половине XVII столетия они могли быть специально собраны в Рязани и переписаны в названную книгу. Поэтому нелишне еще раз обратиться к приведенным А.А. Зиминим данным о том, что в 1531 году в рязанском «заточении» у местного владыки Ионы оказался старец Вассиан Рогатая Вошь, сподвижник Максима Грека²⁴. Ясно, что намечаются лишь возможные направления исследовательского поиска, которые могут быть актуализированы в будущем. Пока чаша весов склоняется все же не в сторону конкретных ответов.

Наоборот, заостряются вопросы, и без того обнаруживающие неоднозначные свойства. Правда, в данном случае может проясниться значимость этих вопросов при выявлении региональных реальностей, специфики русской действительности XVI столетия. При анализе исторической ситуации рассматриваемого времени не обойтись без учета структурного фактора следующего свойства. Это переплетение, с одной стороны, реликтов традиционных устоев, специфических особенностей и опыта предшествующего регионального развития, с другой стороны, разнообразных новых, прежде всего внешнеполитических условий. Названный фактор осложнял, но, скорее всего, и подталкивал процесс выявления и внедрения действенных принципов государственно-политического и общественного развития. Все это определило высокую интенсивность поиска в культурно-религиозной практике Руси XVI века.

Итак, в церковных кругах Рязани середины XVI столетия идеи нестяжательского лагеря нашли определенную поддержку, поскольку местной архиерею, по меньшей мере, была безразлична судьба обвиненных лиц, среди которых в результате оказался он сам. Но в то же время в приведенном контексте невозможно проигнорировать тот факт, что рязанская кафедра на протяжении длительного времени продолжала оставаться крупнейшим духовным землевладельцем на территории бывшего Рязанского княжества, что уже в первой половине XVI века было характерно далеко не для всех регионов Руси. В Рязани, по-видимому, отмеченная особенность сохранялась в той или иной степени и во второй половине XVI столетия²⁵. Легко увидеть, что сочетание признаков с противоположным значением, объективно, не способствует однозначной оценке содержательной основы, сущности показанной картины. Зато теперь, кажется, для стремящегося к максимальной объективности исследателя исторической правды по-настоящему проблематично оставаться в стороне от частично затронутой проблемы запутанных местноисторических реалий юго-восточного «буфера» Руси. Особенно, когда вновь возникнет необходимость обратиться к оценке характера и сущности рязанской независимости в предшествующее время, в частности, причин и условий сохранения архаичного формуляра рязанских актов вплоть до последних месяцев перед включением Рязани в состав Московского государства, степени отражения ими действительности, проявление следов местных оригинальных особенностей в последующем. Но из этого, безусловно, никак нельзя сделать вывод, что все постепенно четко становится на свои места, ведь назревшая необходимость в комплексном исследовании по рязанской истории XVI столетия может обнаружить, и к этому уже имеются, на наш взгляд, вполне реальные основания, выход за рамки «самодостаточного» регионального исследования²⁶.

Итак, в качестве одной из исследовательских перспектив можно оценить все более четко вырисовывающийся образ более общей историко-культурной проблемы, в рамках которой требует дальнейшего выяснения роль сочетания регионального и общерусского факторов в развитии

церковно-политических устоев, а также дифференцированный региональный подход к отношениям в сфере собственности на раннем этапе существования Московской Руси в XVI столетии. Настоящая апелляция к одному из региональных аспектов русской истории во многом перекликается с итоговым концептуальным суждением А.А. Зимина о том, что «XVI столетие – не борьба дворян и бояр, а борьба с уделами (завершение ее)»²⁷. Наименее разработанная часть комплексно-аналитического построения известного источниковеда затрагивает проблему сохранения остатков феодальной раздробленности в независимом положении церкви. Сравнительно недавно немецкие исследователи Фр. Кемпфер и Г. Штекль поддержали мнение А.А. Зимина об антицерковной политике опричнины, уделив главное внимание политическому подтексту²⁸. Малоизученный вопрос о взаимоотношениях нового государственного образования и церкви, на наш взгляд, может иметь непосредственное отношение к истории Рязани XVI века. Судя по всему, в том числе плохой сохранностью летописных источников по рязанской истории, особенно за XVI столетие, можно объяснить то, что ученому удалось задеть «нерв» сложной проблемы в рамках его концепции весьма своеобразным образом: в отличие от пунктов о ликвидации удела Владимира Старицкого и о разгроме Новгорода Великого вопрос о реликтах церковной независимости он обрисовал, по большому счету, безотносительно к региональному принципу (хотя если брать второй вопрос об окончательном искоренении реликтов независимости Новгорода в 1570 году, то его нужно, скорее, привязывать, чем разграничивать относительно этого пункта).

Названная исследовательская парадигма может нести отпечаток известного парадокса, который заключался в том, что грозного царя, конечно, могло не удовлетворять независимое положение церкви, основанное на ее материальном потенциале и земельных владениях, однако в результате, по тем или иным причинам, он все же склонился в сторону иосифлян. Рассуждая логически, отсюда можно констатировать главное: либо с какого-то момента на протяжении второй половины XVI столетия стоит говорить о снижении оппозиционности двух основных церковно-идеологических течений, либо – об изменении соотношения соответствующих показателей в феодальном землевладении Московской Руси рассматриваемого времени. Притом нельзя исключать и взаимосвязь наиболее вероятных политико-экономических составляющих государственного выбора пути исторического развития. Все эти соображения объективно усложняют настоящую задачу, заостря постановочный характер работы, который связан, в том числе, с более ранней по отношению к опричнине хронологией²⁹.

Появившееся спустя 18 лет после монографии А.А. Зимина, посвященной опричнине Ивана Грозного, диссертационное исследование С.И. Сметаниной об опричной политике по отношению к землевладению Рязанской земли³⁰ наилучшим образом иллюстрирует наше предположение о частной, но немаловажной закономерности в эволюции взглядов

крупнейшего советского историка. Концептуальный вывод в одном из разделов диссертации С.И. Сметаниной гласит: «... присоединение Рязанского княжества к Московскому государству не повлекло за собой утраты земельных владений рязанской епископской кафедрой, и она до 60-х гг. XVI в. сохраняла все свои вотчины периода самостоятельности княжества»³¹. В этой же плоскости лежат и другие заключения исследовательницы о закономерностях, о характерных и совершенно необычных чертах местного монастырского землевладения: «К числу этих особенностей относится преобладание среди монастырских вотчин пожалованной великокняжеской власти. Этим монастырское землевладение Рязанского края отличалось от монастырского землевладения Северо-Восточной Руси, где основу земельного богатства монастырей составляли частные вклады ... Анализ сохранившихся жалованных грамот московских великих князей показывает, что присоединение территории Рязанского княжества к Московскому государству не повлекло за собой ни увеличения размеров монастырских земель, ни расширения их имущественных прав. Сокращения монастырского землевладения, по-видимому, также не последовало ... Известия о вкладах в монастыри Рязанского уезда отсутствуют для первой половины XVI в. и единичны для 60-х–70-х гг. XVI в., считающихся периодом резкого роста вкладов в монастыри для остальной территории Московского государства»³².

На мой взгляд, самым важным мнением С.И. Сметаниной, которое помогает четко осознать необходимость искать определенную парадигму опричной политики в Рязанской земле, представляется следующее: «На территории Рязанского уезда была проведена частичная секуляризация церковных земель, то есть было осуществлено мероприятие, которое не удалось правительству Московского государства начала XVI в. и 50-х годов XVI в. в общерусском масштабе»³³. По-видимому, наиболее вероятной причиной тому в широком смысле являлась такая местная особенность, как особая близость светской и церковной власти в регионе, о сути которой, помимо тесных взаимоотношений в вотчинно-хозяйственной сфере, изначально и на протяжении длительного времени напоминал культ святых князей Бориса и Глеба (см., например, прим. 25). Поэтому потеря позиций и влияния светской власти с присоединением Рязани к Москве еще не означала окончательной дезорганизации вековых устоев местного управления и хозяйственного уклада, что в таком случае легко объясняется закономерностью событий середины XVI века и опричного времени. Представление о незначительной востребованности подобного подхода, точнее, об отсутствии реальных шагов по его дальнейшей разработке дает обобщающая работа И.Г. Кусовой, посвященная исторической топографии Рязанского кремля, как административного центра средневекового города³⁴. Хотя, что касается XVI века, в главном выводе автора все же заметна (и, на наш взгляд, совершенно оправдана) доля осторожности, когда статус исконной резиденции рязанских великих князей четко определен, как светско-духовный, – только лишь начиная с исхода столетия.

Даже если бы мы не располагали рассмотренными данными С.И. Сметаниной, а также наиболее важными свидетельствами рязанских актов периода независимости, проанализированными Л.В. Черепниным, в случае с темой настоящего разыскания справедливости ради потребовал бы «слова» логический подход. А именно, неминуемо возникает естественный вопрос-альтернатива: была ли поддержка, оказанная епископом Кассианом Рязанским поздним нестяжателям, исключительно личностной инициативой и базировалась только на его взглядах, как иерарха-нестяжателя, либо она имела фундамент среди рязанского населения и не встречала, по крайней мере, явного неприятия со стороны основной части рязанско-муромской церковной иерархии. Если учитывать весьма малую вероятность случайного выбора архиерея, как и вообще случайного представительства среди православных иерархов и высших духовных лиц других конфессий, а также только теоретическую возможность не длительного, но все же управления названным деятелем владычной кафедрой при отсутствии соответствующей причинной обусловленности, при отсутствии местной поддержки, тем более, при встречном сопротивлении, второй вариант объяснения представляется более правдоподобным.

Все это еще раз убеждает в правомерности и необходимости более широкого и, одновременно, более детального подхода к интерпретации рязанского представительства на Стоглавом соборе середины XVI столетия. Оценку значения этого факта совершенно однозначно дать пока сложно в связи с отсутствием репрезентативного корпуса выявленных источников, что усугубляется весьма скудной историографией проблемы. Уровень разработки таковой можно с полной уверенностью охарактеризовать не иначе как в категориях той области зоологии и медицины, которая имеет дело с самым ранним периодом развития организма. Можно лишь сказать, что заложено основание, так как при соотношении вновь полученных данных с данными о специфике рязанского землевладения в период до и после опричнины становится ясно, что, если стремиться избегать упрощений в дальнейшем, оценка рассмотренного факта в истории Стоглавого собора не сможет исходить только из того узкого представления, которое сформировалось по завершении работы церковно-представительного учреждения и касалось черт характера и взглядов рязанского епископа Кассиана. По большому счету, до сих пор названное событие не получало четкого критического рассмотрения по причине «узости» и даже непопулярности темы, которая оказывалась на обочине магистральных направлений историографии.

Таким образом, достаточно редкая, но определенная возможность позволяет в период, как минимум, до второй половины XVI столетия различить проявление неоднозначного характера развития Рязанской земли, в том числе, с точки зрения культурно-религиозной и социально-политической жизни. Быть может, даже с точки зрения региональных особенностей средневекового гражданского мировосприятия в сфере цер-

ковной политики (ряд оригинальных черт местной связи с нестяжательско-иосифлянкой полемикой). По-видимому, рассмотренные явления должны были обнимать в пространственно-временном и сущностном аспектах исключительно динамичные процессы местного культурно-исторического развития XV–XVI столетий, открытого, скорее всего, как внутренним, так и внешним тенденциям. В необычной, можно сказать, особой позиции рязанского владыки на Стоглавом соборе угадывается последний и один из наиболее ярких результатов оригинальной рязанской традиции предшествующего периода, не вполне совпадавшей с другими известными на то время местными разновидностями уклада.

¹ См.: Кукушкина М.В. Описи книг XVI–XVII вв. библиотеки Антониево-Сийского монастыря // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии Наук СССР. М.-Л., 1966. С. 124, 129; Она же. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 27, 162; Белова Л.Б., Кукушкина М.В. К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам рукописной и редкой книги Библиотеки Академии Наук СССР. Л., 1978. С. 170; Кукушкина М.В. Собрания книг, поступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX веков. Сборн. науч. трудов. Л., 1979. С. 85, 79–80; Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 82–83; Губин Д.В. Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. Дис... канд. ист. наук. Рязань, 2004. С. 171–184.

² Строев П.[М.] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Спб. – 1877. Стлб. 46, 414. Перечень архимандритов новгородского Юрьевского монастыря – «Кассиан упом. в житии св. Ионы архим., ...после епископ (Рязанский ?)»; перечень рязанских владык – «Кассиан, из архимандритов Юрьевских ?, упом. с 1551; в начале 1554 лишен сана и сослан в Кириллов Белозерский монастырь († там 21 окт. 1556)». Некоторые исследователи XIX в. считали, что епископ Кассиан Рязанский был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря. А.А. Зимин не согласился с этим мнением, но, с другой стороны, не выражал сомнения по поводу того, действительно ли епископ Кассиан был из юрьевских архимандритов (см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.) / Отв. ред. акад. Л.В. Черепнин. М., 1972. С. 307 (прим. 146), 298).

³ Зимин А.А. Указ. соч. С. 300.

⁴ Он же. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 5. М., 1958. С. 223; он же. Крупная феодальная вотчина... С. 304.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 511.

⁶ Будовниц И.У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 290. «Сказание» опубликовано среди материалов Московских соборов на еретиков XVI в.: Чтения Общества истории и древностей российских. Год 3-й. № 3 (1847). Отд. II. С. 1–2. Если когда-то удастся точно установить, что епископ Кассиан, пребывавший в Рязани сравнительно недолго, до принятия архиерейского сана действительно был архимандритом новгородского Юрьева монастыря во второй четверти века, приведенные данные о его обвинении на соборе 1554 г., скорее всего, могут заставить обратиться к уточнению датировки и дополнительному анализу Соборных приговоров (анафематствований) лицам, известным как новгородско-московские еретики конца XV – начала XVI в. Дело в том, что главным образом в синодиках, а также в поздних списках летописей XVII–XVIII вв. известно три различных анафематствования еретикам. Во втором и третьем, особенно во втором приговоре называются, по мнению Ю.К. Бегунова, «вины», как ни странно, московских еретиков, а также упоминается, в третьем варианте текста даже специально в самом начале ки-

новарью выделяется из остального списка, имя юрьевского архимандрита Кассиана с его братом Иваном. Посвященное анализу Соборных приговоров исследование не содержит ответа на вопрос, почему второе анафематствование, которое позднее получило особую популярность, его появление Ю.К. Бегунов соотносит с несохранившимся Соборным приговором 1504 г., не имело хождения в XVI в., а появилось в синодиках лишь в начале следующего столетия. Кроме того, кажется весьма симптоматичным, что третий вариант текста возник, по мнению исследователя, не позднее середины XVI в. И, наконец, списки именно второго и третьего анафематствований называют, как правило, архимандрита Кассиана буквально «ересьначальником», что заставляет предположить его заметную роль в этой запутанной картине (Бегунов Ю.К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 218–220, 223–224). Примечательно, что в вопрос этот, судя по всему, не вносят окончательной ясности и наблюдения А.А. Зимина. Если исходить из именного указателя монографии, ученый только один раз говорит собственно об архимандрите Юрьева монастыря Кассиане и его брате (сообщение летописного свода 1508 г. об их казни), в остальных же случаях речь идет о лице, ассоциируемом с рязанским епископом, в том числе, в контексте событий конца XV – начала XVI в. (см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 63, 73, 147, 243, 298, 299, 303, 304, 307, 330).

⁷ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 304; Гордиенко И.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 307.

⁸ Зимин А.А. Матвей Башкин – вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 4. М., 1956. С. 243; он же. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 422.

⁹ Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя и отношения собственности в средневековом городе XIV–XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского союза) // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации: Сборник научных трудов. Вологда, 1997. С. 65.

¹⁰ См., напр.: Скрынников Р.Г. Святители и власть. Л., 1990. С. 197–198.

¹¹ Розов Н.Н. Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. [Сб. 1]. М., 1972. С. 28. В настоящей теме, может быть, небезынтересна такая деталь, что Евангелие Библиотеки Российской академии наук (БАН) было создано «благословением» игумена Соловецкого монастыря Филиппа, будущего митрополита.

¹² Амосов А.А. Примечания к работе Н.Н. Зарубина // Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Сост. Н.Н. Зарубин; подг. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова; под ред. С.О. Шмидта. М., 1982. С. 77.

¹³ См.: Отдел рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки (ОРПК РНБ). Карточный географический указатель.

¹⁴ См., напр.: Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 57–58.

¹⁵ См., напр.: [Алехина Л.И.] Рязанское собрание. Ф. 735 // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 3 (1948–1979). Сост. Г.В. Аксенова, Л.И. Алехина, Ю.В. Анхимюк и др. Отв. сост. Ю.Д. Рыков. М., 1996. С. 233.

¹⁶ О последнем владельце, который оставил записи на книге, а также о содержании сборника Российской государственной библиотеки (РГБ) подробнее см.: Губин Д.В. Опыт реконструкции связей в книжной культуре XVI века: Рязань, Иосифо-Волоколамский монастырь, Новгород // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Сборник научных трудов кафедры древней и средневековой истории Отечества. [Вып. 2] / Ред. кол.: Н.Н. Репин (отв. ред.), В.Н. Козляков, А.А. Севастьянова. Рязань, 2003. С. 75–92. В настоящем рассмотрении нельзя обойти стороной такую важную деталь: в литературе отмечался факт благословения архиепископом Новго-

родским Феодосием волоколамского игумена Леонида (Протасьева) на участие в Полоцком походе 1563 г. (Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 272). Соотнесение этого свидетельства с выявленными данными о далеко неединичных рукописях Леонида (Протасьева), украшенных «фряжским» (неовизантийским) орнаментом и «немецкими» переплетами и застежками, придают существенный штрих настоящей теме, поскольку к ней может примыкать вопрос о степени гибкости восприятия этого церковно-политического деятеля, об отношении рязанского иерарха к современным ему европейским веяниям.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 834. Оп. 3. Д. 2408. Л. 197 об., 201.

¹⁸ Лабунцев Ю.А. Международная славяноведческая программа «История книжной культуры Подляшья» // Книга в России. Из истории духовного просвещения. Сборник научных трудов. СПб., 1993. С. 159.

¹⁹ См.: Дробленкова Н.Ф. Леонид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (втор. половина XIV–XVI в.). Часть 2. Л – Я. Л., 1989. С. 7–8. Не исключено, что в связи с поднятой в настоящей статье проблемой может совершенно по-иному звучать вопрос о взглядах и книжных интересах последнего владельца рукописи, т. е. Леонида Протасьева. Н.Ф. Дробленкова, предлагающая датировать рукописный кодекс более ранним временем первой половины XVI в. (разыскание Н.А. Казаковой о филигранях рукописи, не принесшее полной ясности, однако не исключает такую датировку), выражает уверенность в том, что «внимание ярого иосифлянина Леонида к этому сборнику... требует специального рассмотрения». Но названный вопрос может не иметь однозначного решения. Если оно и возможно, то, видимо, лишь в рамках дифференцированного с точки зрения хронологии подхода. В целом, проблему нельзя признать разработанной в достаточной мере. В этой ситуации стоит обратить внимание на данные Н.Ф. Дробленковой об участии епископа Леонида в деятельности соборов 1580 и 1584 гг. Указано на сохранившуюся подпись этого рязанского владыки под Соборным приговором 1581 г. о запрещении духовенству и монастырям приобретать вотчины. С другой стороны, приведено свидетельство челобитной епископа Леонида царю Федору 1584/5 г. о его волоколамских контактах в 1550-е гг. с новгородскими архиепископами, указано на его выступление в этой челобитной в защиту ставшего традиционным в XVI в. привилегированного положения «иосифовских постриженников», каковым являлся и он сам.

²⁰ См.: Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л., 1960. С. 198–199, 218. Прим. 226, 238–239; вероятно, ссылка на источник, в котором имеются сведения о книжном вкладе епископа Кассиана Рязанского (в количестве двух рукописей), подразумевает каталог собрания Кирилло-Белозерского монастыря в ОРК РНБ: Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351). Опись. Л., 1988. Машинопись. Л. 113 об.–114.

²¹ Моисеева Г.Н. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л., 1958. С. 360–361.

²² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2408. Л. 199.

²³ Турилов А.А. [Отзыв официального оппонента на дис... канд. ист. наук: Губин Д.В. Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. (Рязань, 2004). М., 2004. Машинопись. Л. 4]. Указано на факт хранения в Отделе рукописей Государственного Исторического музея (ОРГИМ) рукописного Собрания сочинений Максима Грека с владельческими записями 1647 и 1682 гг., соответственно, о принадлежности книги рязанцу Ф.И. Измайлову и рязанской кафедре при митрополите Павле (Моравском) (собр. А.С. Уварова, № Царск. 243. Первая половина XVII в., см.: Строев П.М. Рукописи славянские и российские, принадлежавшие И.Н. Царскому. М., 1848. С. 214).

²⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 285. Прим. 29.

²⁵ Рязанский епископ (с конца XVI в. – архиепископ) продолжал оставаться крупным духовным феодалом Рязанской земли даже во второй половине XVI в. Располагая многочисленным штатом служилых дворян и детей боярских (кроме рязанского вла-

дыки только новгородский архиепископ, вологодский и тверской епископы имели дворян), «он обладал значительной военной и политической силой» (Горбунов Б.В. Социально-политическое развитие Юга Русского государства во второй половине XVI в. (по материалам Рязанского края) // Труды Рязанского исторического общества. Вып. 1. Рязань, 1997. С. 66). Это не противоречит логике обобщающего положения А.А. Зимина об этапах политики светской власти по секуляризации церковно-монастырских земель в государственную казну, о соборах эпохи Ивана Грозного: «... главным мотивом было сопротивление высших церковных иерархов централизаторской политике Ивана IV ... дело митрополита Филиппа отнюдь не сводится к личному противостоянию с ним царя Ивана IV. Это была одна из последних страниц той длительной борьбы, которую вела сначала великокняжеская, а потом царская власть за включение церкви в государственный аппарат» (Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 248, 259). В отношении интересующего нас региона в литературе по актовому источниковедению имеется примечательное в этом смысле наблюдение: «... земли были отобраны у рязанского владыки в период между составлением сотной грамоты 1567/68 г. и описанием уезда в 1594–1597 гг. ... после того, как их объем был сокращен ... более чем вдвое, составляли около 36 % всех церковных земель в Рязанском уезде» (Сметанина С.И. К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 158, 160, 164). Кстати, с вопросом о традиционности епархиального устройства в Рязани может соотноситься отличающееся от устоявшихся представлений о местной истории мнение С.И. Сметаниной же о том, что «резиденция архиепископов располагалась в Переяславле Рязанском возле кафедральной церкви Бориса и Глеба [т. е. она должна была находиться на своем исконном месте еще в конце XVI – первой половине XVII в.; выделено. – Д.Г.]» (Она же. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 248). Это специальное указание исследовательницы на значительно более длительное традиционное месторасположение рязанской владычной кафедры далеко не случайно. Судя по всему, до С.И. Сметаниной (да и она сама четкой ссылки не дает) исследователи рязанской истории XVI века, насколько нам известно, не учитывали текст правой грамоты рязанских двутретных писцов князя Федора Семеновича Мезецкого да дьяка Третьяка Михайлова сына Дубровина о спорной земле Переяславля Рязанского посадских людей с владычными крестьянами 1555 г. мая 7, в котором имеется в том числе любопытная территориальная привязка: «... пашем ... по обе стороны у филиппова кря землю борисоглебскую владычню» (Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. С. 35–36). При всех оговорках, одно можно сказать с уверенностью – в поколении крестьян на момент 1555 года представление о принадлежности обрабатываемой ими земли Борисо-Глебскому владычному дому, по крайней мере, еще никак не перешло в разряд воспоминаний. Важно обратить внимание на принадлежность земли именно Борисо-Глебской кафедре рязанских архиереев, раз речь не идет в тексте, скажем, о земле «владычне борисоглебской». Этот вопрос кажется важным, поскольку связан с соответствующим представлением о вероятности более общего смысла и сопутствующих обстоятельств преемственности традиции в Рязанской земле. Важнейшая роль культового сознания для Средневековья несомненна, никак нельзя ее недооценивать, а отсюда вытекает вывод о необходимости разобраться в тенденциях и поворотных моментах, характере отхода от местных вековых устоев в области культа. Эти данные не помешает учесть в дальнейшем еще и потому, что они наталкивают на мысль о возможности поиска, кроме того, и более широких предпосылок местной обстановки середины XVI века в предшествующее, «удельное» время. См. об этом: Губин Д.В. Рязанские акты в комментариях Л.В. Черепнина (к «локальной» философии истории) // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе (в печати).

²⁶ См., напр.: Губин Д.В. Рязанская грамотность и книжность: оценка Д.И. Иловой-ского в современном преломлении и поиск «истории» культуры (в настоящем издании); Он же. Опыт реконструкции связей в книжной культуре XVI века... С. 75–92.

²⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 46.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Относительно еще более раннего, чем середина XVI века, времени любопытно, что к нестяжателям, по предположению А.А. Зимина, мог быть близок, в частности, рязанский епископ Сергей (1509, 1516–1522) (Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 284).

³⁰ См.: Сметанина С.И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1982.

³¹ Там же. С. 17.

³² Там же. С. 19–20.

³³ Там же. С. 21.

³⁴ См.: Кусова И.Г. Историческая топография Кремля Переяславля Рязанского XVI–XVII веков // Кремли России / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»». Материалы и исследования. Т. XV. М., 2003. С. 387–403.

М.В. Моисеев

КАСИМОВ, «МЕЩЕРСКИЕ МЕСТА» В РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVI СТОЛЕТИЯ

История «Касимовского царства» в XV–XVII веках до сих пор еще мало изучена. Только в последнее время исследователи обратили пристальное внимание к названной проблеме. Ряд вопросов, связанных с историей «Касимовского царства», и шире, служивых татар, имеют остро дискуссионный характер. Не решен вопрос о происхождении этнической группы касимовских татар¹. Предметом споров является и территория этого образования, и его статус, и фактическая история².

Возникшее в середине XV века, «Касимовское царство» рано начало играть существенную роль в казанской политике Москвы³. Ряд данных позволяет говорить об особом статусе Касимова среди татар. Так, именно в Касимове сформировался некрополь выехавших на Русь чингизидов⁴. По наблюдениям А.В. Белякова, территория «Касимовского царства», «как правило, не подвергалась татарским набегам»⁵.

Наше исследование посвящено изучению фактора Касимова в русско-ногайских отношениях XVI столетия. Дипломатические контакты России и Ногайской Орды начались в 1489 году, в связи с казанской политикой Москвы. Ногайская знать требовала освободить плененного в 1487 году казанского хана Али. Постепенно русским дипломатам удалось склонить ногаев к сотрудничеству. Впрочем, оно не было длительным. Ногайская Орда в XV–XVI веках представляла собой довольно неустойчивое государственное образование: моменты могущества сменялись длительными междоусобицами. Вместе с тем орда с конца XV века стала обычным пристанищем для изгнанных чингизидов. Так, после убийства сибирского хана Ибака в 1495 году, его многочисленная родня укрылась в Ногайской Орде⁶.

Круглый стол
«Рязанское культурное гнездо:
время С.Д. Яхонтова»

Ведущая – профессор, д. и. н. А.А. Севастьянова, РГПУ

А.А. Севастьянова: «Открывая наш круглый стол, посвященный замечательному человеку, давшему имя нашим чтениям, замечательному деятелю культуры Рязани Степану Дмитриевичу Яхонтову (1853–1942), я подчеркиваю, что настоящий круглый стол может быть понят достаточно широко для того, чтобы состоялся интересующий всех нас обмен мнениями.

Время Яхонтова. В его жизни были даты, которые можно считать поворотными для его судьбы. И одна из таких дат 1884 год – открытие Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Эта дата очень важна, это веха не столько в отношении жизни Степана Дмитриевича, а в целом, в культурном развитии края.

Далее, мы не можем не выделить время с 1918 по 1928 годы. Это первые 10 лет советской власти. Прошу вас подумать об ориентирах: что изменилось, было, стало в это десятилетие. И, наконец, очень тяжелые 1929, 1930, 1931 годы – мы знаем, что это время гонений.

И сквозь призму судьбы одного отдельно взятого человека и даже, может быть, не столь замечательного, а просто человека, жившего в это время, занимавшегося культурной деятельностью – эти годы тоже значимы, потому что мы знаем, что краеведческое движение в рамках России было задушено в 1929–1930 годах. Мы знаем о разгроме Центрального бюро краеведения в 1929 году, о тяжелых гонениях на краеведов, фактически приведших к уничтожению на местах отделений Центрального бюро краеведения, краеведческих обществ. Начиная с 1930 года – это уже другая история реалит культурной жизни. Вот так сквозь вехи жизни Степана Дмитриевича Яхонтова можно увидеть некий предмет разговора.

Я напомним, что термин «культурное гнездо», «местное культурное гнездо» введен Николаем Кирьяковичем Пиксановым в 1913 году. Он написал целую брошюру об этом, адресованную в первую очередь краеведам. Через Центральное бюро краеведения она начала свою жизнь среди культурных деятелей. И вот тогда Н.К. Пиксанов сформулировал, что на местах существуют сообщества, которые являются для мест этих

знаковыми. В разные времена такие сообщества были, исчезали и возникали. И по теории Николая Кирьяковича от самого способа существования этих сообществ фактически зависело культурное делание в этом месте, накал его или спад. Появление новых возможностей или абсолют-но негативная, с точки зрения условий культурной жизни, ситуация.

Очень хотелось бы, чтобы мы начали оперировать этим термином применительно к нашему краю, опробовать, какие периоды были в истории Рязанского культурного гнезда. Вот почему мы вынесли в заголовок эту первую половину стоящего там титула. Были ли в Рязани такие историко-литературные опыты, которые позволяют говорить нам о взлете культуры, если да, то когда? Когда это движение терпело спад и подъем? Кто они эти люди – делатели культурного пространства Рязанского края? Когда условия для их жизни были более благоприятными, когда менее благоприятны? Мне кажется, что такое поле стоит того, чтобы нам обменяться мнениями. Повторяю, тем не менее, приветствуются и другие предлагаемые вопросы».

В.А. Толстов, к. и. н., Рязанский институт управления и права:

«В последнее время вышло немало трудов, где описаны литературные, культурные гнезда. Но не всегда авторы правильно трактуют этот термин. Наличие достаточного числа культурных деятелей на определенной территории – это еще не есть культурное гнездо.

Сам Николай Кирьякович Пиксанов выделял несколько признаков, позволяющих классифицировать, что на данной территории существует культурное гнездо. Это не просто достаточное число культурных деятелей, а наличие, в первую очередь, связей между ними; какие-то объединительные тенденции: родственные, культурные связи, постоянные собрания, взаимодействие между собой. Но связь может осуществляться и посредством переписки, поэтому вторым условием является единство территории, на которой действовали эти культурные деятели.

И еще один признак – это длительность существования этого культурного сообщества, поскольку культурное гнездо – это все-таки не мероприятие, которое действовало на протяжении двух-трех месяцев для какой-то цели, а потом развалилось.

И, наконец, самое последнее и важное, что выделял Пиксанов – воспроизводство последователей, т. е. культурное гнездо рекрутирует молодые силы, привлекает в свое сообщество, и тем самым обеспечивает культурная преемственность поколений. Это четвертый признак.

На мой взгляд, к концу XIX века в Рязанской губернии появились некоторые предпосылки складывания культурного гнезда. Здесь, во-первых, было достаточное число культурных деятелей, которые были связаны между собой, прежде всего культурными узами, постоянно общались. В Рязани к этому времени уже начинала складываться устойчивая культурная среда. Я, в частности, в своей диссертации изучал такую весомую, на мой взгляд, часть культурного гнезда Рязанского, как губернская ученая архивная комиссия».

А. А. Севастьянова: «Вот первый ориентир – конец XIX века: да, нет, возможности этого времени, персоналии этого времени или другого, может быть. Я бы очень хотела, чтобы мы не затеоретизировали вопрос.

Рядом с нами, в Воронеже живет Олег Григорьевич Ласунский, чье имя хорошо известно. Он в свое время написал, что воронежцев интересует, он брал середину XIX века для своего города, вклад местных авторов. Первый показатель – местная тема Воронежа в общероссийской литературе, как она звучит. Второе – местная культурная жизнь, как таковая. Восприятие общественных явлений в крае. Третье – конкретные по этому поводу контакты местных культурных деятелей со столичными, с людьми других областей. Имеются в виду такие местные формы, как пресса, библиотеки, кружки, клубы, салоны, общества, вечера на местах. Далее восприятие общественностью края явлений, касающихся истории края, ее сегодняшнего дня, вклад местных авторов и местная тема в общероссийской литературе. Воронежцы расшифровывают деятельность своего культурного гнезда и называют фамилии, которые здесь отметились. Мне кажется, что мы можем поговорить на эту тему. А у нас было, нет?»

Е. К. Савельева, ученый секретарь Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева: «Первыми птенцами Саратовского культурного гнезда были литераторы, которые вошли в русскую культуру в середине XIX века: Чернышевский, Введенский, Пыпин. Список можно продолжать. Вторым вылетом из Саратовского культурного гнезда была плеяда художников: Борисов-Мусатов, Павел Кузнецов, Петр Савич Уткин – художники, которые составили славу всей русской живописи. И я думаю, что эта традиция продолжается, потому что целое поколение замечательных актеров: Олег Табаков, Олег Янковский, Евгений Миронов – они все связаны с Саратовом и являются выпускниками нашего театрального училища.

Линия Саратовского культурного гнезда продолжается, и наш музей сейчас занимается этим. Вокруг Радищевского музея, старого музея, который сам по себе является фактом и российской культуры, и фактом истории нашего саратовского края, сейчас сложилась сеть мемориальных музеев: Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова, Кузьмы Петрова-Водкина, поэтому эта проблематика для нас важна и интересна.

То, что начиналось в Саратове в 20-е годы – во многом стараниями того же Пиксанова. Мои герои, братья Леонтьевы наверняка слушали его лекции, которые он читал в университете. Перед нашим музеем стоит задача изучения художественной культуры саратовского края, и, проецируя это на Рязань, мне показалось, что каких-то контактов между краеведческими и художественными музеями не хватает повсеместно. Не знаю, существует ли эта проблема в Рязани, но у нас в Саратове она существует, и мы пытаемся ее преодолеть. Для нас она важна, потому что разделились коллекции, в связи с этим возникает много проблем.

Все услышанное здесь убеждает меня в том, что Рязанское культурное гнездо тоже существовало. Каждый российский город по-своему уникален, и, когда приезжаешь в него, в этом убеждаешься вновь и вновь».

А.А. Севастьянова: «Мы подошли как раз к тому рубежу, когда нам необходимо это теоретическое размышление. Безусловно, наш город столь же своеобразен, как и Саратов, безусловно, со своей степенью своеобразности. Каждый город по-своему хорош и интересен. Но нам нужно все же решить – что с Рязанью, рязанцы? Было ли оно, сложилось ли оно, культурное гнездо? И Виталий Алексеевич говорил, с его точки зрения, конец XIX века – такой рубеж, когда он может назвать этих деятелей. А у вас получается, что пик – это 20-е годы, во всяком случае, осязаемый пик какой-то, который позволяет реконструировать художественную жизнь в Саратове».

А.Д. Попова, к. и. н., Рязанский филиал Академии права и управления: «Если вспомнить историю рязанской провинции на протяжении XIX века, то мы здесь уже видим центры, которые вокруг себя объединяли образованных людей. До появления РУАК одним из таких центров, безусловно, может быть названа Рязанская мужская гимназия, где преподаватели пытались также проводить исследования, организовывались литературные вечера.

Если говорить о зарождении культурного гнезда, то это середина XIX века. Постепенное развитие, яркое, явное – конец XIX века и всплеск культурной жизни – это 20-е годы, нэп.

И здесь как раз уместно затронуть, что собственно стимулирует яркое проявление культурной жизни – взаимоотношение власти и общества. Можно предположить, что такой культурный взлет в жизни, который мы наблюдаем в конце XIX века и в 20-е годы, происходит как реакция на снижение какого-либо жесткого давления на общество. Вспомним начало XIX века, “дней Александровых прекрасное начало”, оно, может быть, не затронуло широко всю провинцию и больше относилось к центру, но эта была реакция на свержение жесткого режима Павла.

Если брать 1860–1870-е годы – это уже реакция общества на свертывание Николаевского режима. В 1920-е годы, безусловно, это связано с нэпом. Во время жесткого политического режима, который мы наблюдаем во времена Павла, Николая I, военного коммунизма после 1917 года, идет накопление энергии, которую несет каждый интеллектуальный деятель, после чего следует эмоциональный всплеск, энергия выражается в удвоенном усилии».

А.А. Севастьянова: «Этот тезис – посылка, как я поняла Анну Дмитриевну, со знаком плюс. Не мешает, а помогает некое политическое условие, режим власти – жесткий, нежесткий. Политическая константа присутствует в обществе, от нее никуда не денешься. И она, с точки зрения нашей выступающей, была для оживления культуры на местах именно положительным моментом».

Б. В. Горбунов, профессор, д. и. н., РИРО: «Я выскажу, может, крамольную мысль, во всяком случае, дискуссионную. Вообще культурное гнездо существовало, если брать такое социальное образование, как город, наверное, в XVIII веке и даже в XVII. Вопрос в том, вокруг чего оно формировалось, в какой степени это изучено? Например, вокруг церкви. Культурное гнездо в XVI веке – наверное, рановато, потому что это был военный служилый центр, если говорить о Рязани. В северных городах, наверное, в XVI веке были эти центры. И даже в уездных городах это явление было в той или иной степени. Если говорить о сельской местности, о крупных селах, здесь, конечно, можно говорить о конце XIX, о пореформенном времени, скорее всего, наступал рубеж, который давал определенную свободу».

А. А. Севастьянова: «Не могу не согласиться. Культурное гнездо обязательно искать поздно: и в XVI веке было, и в XVII веке было, и в XVIII веке – точно было».

А. В. Беляков, к. и. н., Рязанский филиал Московского социально-психологического университета: «Говоря о XVIII, XIX, XX веках, в этом я не могу быть уверен, я специалист по более ранним временам – XVI–XVII векам в истории России.

Говоря о культурном гнезде, я больше могу озвучить какие-то свои внутренние, ментальные наблюдения по мемуарной литературе, по историческим знаниям, фактам, которые известны лично мне. Да, те или иные зачатки, которые по тем или иным признакам можно назвать “гнездом”, были. Наверное, должна быть какая-то другая терминология. Можно назвать и более ранний период. Я больше чем уверен: в Киеве в XI веке вокруг Софии Киевской, Софии Новгородской в Новгороде тоже складывались какие-то свои объединения. Но можем ли мы называть их культурными гнездами? Да, нам известно, что в XVII веке посадское население городов по своей собственной инициативе самостоятельно подает челобитные о создании приходских школ начальной грамотности. Если люди созрели до этого, то это тоже какие-то признаки начала складывания культурного гнезда. На мой взгляд, это еще не может быть настоящим культурным гнездом, вот почему. Это требует определенной ответственности, определенного самоуважения, самоидентификации, которая действительно невозможна без некоторых посылок со стороны от власти.

Говоря о Пушкинском поколении, мы говорим, что это третье непотрое поколение в России. И в результате мы видим взрыв дворянской культуры начала XIX века. Поэтому, говоря о провинциальных гнездах в XIX веке, в начале, середине или в конце, нужно, наверное, смотреть – в какой среде складываются эти гнезда. Дворянская среда или среда мещанская – каждая имела свои особенности. И мещанство, и купечество познавать какие-то свои культурные интересы начинает несколько позднее, видимо, во второй половине XIX века, ближе к концу. Хотя для каждого города это, наверное, чисто индивидуально».

Г.К. Гольцева, зав. отделом публикаций, ГАРО: «Я бы хотела вернуться к XX веку. И, наверное, к некоторой полемике с Анной Дмитриевой. На мой взгляд, на понятие “культурное гнездо” влияет еще и такой фактор, как наличие табуированной тематики, какое-то идеологическое давление со стороны государства. Работая с документами архивной комиссии и Общества исследователей Рязанского края (это не анализ, это просто впечатления, чувства), я вижу, как из работы второго общества уходит искренность, доверительность отношений, что сказывается разрушительным образом на этом культурном гнезде. И мне кажется, что это табуирование или замалчивание тем. Такого в Рязанской ученой архивной комиссии не было. Там встречалась такая тематика, которая меня, мое воображение поразила. Как мог И.И. Проходцев, выступая на юбилейном заседании ученой архивной комиссии, вынести такую тему, как «Негеройские подвиги наших войск на нашей территории в тылу».

А.А. Севастьянова: «Галина Константиновна нашла возможность полемизировать с понятием 20-е годы, как некого взлета культурной деятельности здесь, на местах. И ее взгляд, взгляд архивиста здесь очень ценен».

В.А. Толстов: «Я считаю, что ранее XX века о существовании культурного гнезда говорить нельзя. Наверное, это можно обозначить каким-то другим словом. Культурное гнездо начало складываться к концу XIX века. До этого характеру культуры Рязани была присуща вторичность по отношению к культурным веяниям Москвы, Петербурга – некий комплекс провинциальности.

Я поясню этот тезис тем, что все те, кого мы сейчас именуем знатными земляками, в свое время вынуждены были покинуть губернскую Рязань для того, чтобы улучшить возможность самореализоваться. Все те деятели, которые представлены в зале “Во славу Отечества”, после окончания Рязанской гимназии или семинарии отправились в Москву».

А.А. Севастьянова: «С этой точки зрения они не могут принадлежать культуре края или могут?».

В.А. Толстов: «Я считаю, что те обобщающие труды по истории культуры края, которые являются сводом биографии вот этих деятелей, неверны по своей концепции».

А.А. Севастьянова: «Как я поняла, мы вышли на два момента. Если деятель рожден в крае, а потом покидает этот край, то можем ли мы считать его деятелем местного, Рязанского культурного гнезда? Это одна сторона вопроса. Другая сторона вопроса, если этот деятель связан был потом с краем, если он в своем творчестве, родясь здесь, все-таки продолжал подпитываться тематикой своей родины, тогда он – тоже культурное гнездо Рязани. Думаю, здесь нужна конкретика.

Я вспоминаю, как приезжающие в Орел всегда видят табличку и потом большой-большой щит “Наш город – малая родина, город замечательных поэтов” и дальше идет перечень: Бунин, Лесков, понятно, Тургенев, отчасти, тоже понятно, Спасское – тоже Орловская земля. Но вот,

например, Леонид Андреев или тот же Бунин, который был в младенчестве увезен из своей усадьбы и больше там никогда не был...

Если деятель – выходец из края или совокупность деятелей, они дают представление о том конкретном вкладе деятеля региона в общерусскую культуру, если даже он потом не обращался к тематике родного края. Я считаю, что это нельзя сбрасывать со счетов».

Реплика: «Корни питали».

«Да, корни питали. Приведу одну цифру, по итогам переписи 1897 года в Москве проживало 12 % выходцев из Рязанской губернии. Это был естественный порыв реализовать себя в той или иной мере там, где это возможно».

И.Г. Кусова, к. и. н., зав. отделом развития РИАМЗ: «На мой взгляд, здесь, в Рязани, где-то с 1890-х годов и, видимо, до начала Первой мировой войны, можно наблюдать своего рода культурный феномен. Это время ознаменовалось появлением множества новых культурных учреждений, которые большей частью были самостоятельной инициативой. Я имею в виду, конечно, музеи: сразу друг за другом возникло несколько музеев. Также библиотеки, которые открывались на частные средства, новые учебные учреждения, всевозможные самодеятельные организации: литературные, художественные, музыкальные и прочие.

Насколько это было характерно – вопрос. Можно ли считать это культурным гнездом? Насколько это соответствует тем формальным признакам, о которых здесь сегодня вначале говорили – в этом надо разбираться. Очень бы хотелось узнать, насколько это было распространено / не распространено в других регионах.

И еще, на что я хотела бы обратить внимание, это большое участие в этих делах церкви и выходцев из духовного сословия. Я имею в виду и Степана Дмитриевича Яхонтова, с его епархиальным Древлехранилищем, и в целом. Это, кстати, информация уже не только о Рязани, если говорить о Древлехранилищах. Они появились буквально по всей стране. В каждом регионе были люди, которые этим делом занимались с энтузиазмом. И, проводя аналогию с современностью, тем непонятнее выглядит позиция наших современных деятелей от духовенства, которые, на мой взгляд, к культуре относятся более чем жестко».

А.А. Севастьянова: «Действительно, до ста двадцати все мы считать умеем. И 120 лет нашему музею отсчитываются вовсе не с 1917 года. Музей был создан совместными усилиями, в том числе и духовных деятелей, очень просвещенных людей, задолго до 1917 года. Именно как музей, здесь нельзя не согласиться с Ириной Гасановной. И этот тезис, безусловно, работает в наши дни очень и очень, я бы сказала, фундаментально. Он на стороне музея – этот тезис.

Я бы хотела, чтобы этот тезис о серьезном вкладе просветителей духовного звания был немножко конкретизирован. По моим наблюдениям, в 80-е годы XVIII века здесь в Рязани дается поручение составить достопамятности рязанские, и связано это с конкретным человеком, с Си-

моном Лаговым. Мне кажется, если это не начало, то взлет явно был. Но не XIX, а именно XVIII века. И именно кружок Симона Лагова, по моим наблюдениям, претендует на наше уважение».

Д.Ю. Филиппов, к. и. н., главный архивист ГАРО: «Все-таки гнездо появляется естественно не в раз, его надо видеть в течение достаточно долгого времени. Те этапы, о которых мы говорим, и есть процесс формирования того гнезда и в XVIII, и XIX веках.

У меня нарисовалась такая конкретика. Действительно, начало XIX столетия – появление губернских гимназий, активизация деятельности на просветительском этапе духовных семинарий. Эта среда, которая начинает формироваться вокруг учебных заведений, она начинает распространяться и распространять культурные знания на общество. И что в итоге? Достигнув цели, круги от этого “брошенного камня” доходят до каких-то далеких слоев населения. Что мы видим? Начало XIX века. В Рязани появляется совершенно замечательное, на мой взгляд, явление – рисовальная школа Чернова, которая вокруг себя собирает любителей. И отсюда выходит открытый нами по-новому Бровкин, с его потрясающими работами. Затем эти волны докатываются и до Касимова, где живет мой любимый Гагин. Да, он не получил образования, но он жил в том пространстве, в котором пронизывался как инфракрасными лучами какой-то образовательной средой. Не мог он сам сесть и начать творить, для этого был нужен некий импульс.

С другой стороны, Тихомиров, который копал Старую Рязань, профессионально-непрофессионально, другой вопрос. Но должен же был быть этот посыл ему. Я не удивлюсь, если в конечном итоге окажется, что все трое названных конкретных деятелей, а двое точно – были в контакте: Гагин и Тихомиров не только переписывались, Тихомиров подарил Гагину свою книгу и упоминал о том, что Гагин его консультировал. Вот оно и есть, наверное, гнездо, когда из центра знания, культура, просвещение доходят до неких очень широких слоев, и они начинают тоже действовать, начинают творить».

А.А. Севастьянова: «Итак, среда и расходящиеся круги, которые так хорошо связал Дмитрий Юрьевич и уже назвал конкретные имена людей, которые, действительно, связаны, действительно, подпитаны этой средой, и они начинают действовать».

В.Н. Егоров, исследователь, г. Скопин: «С.Д. Яхонтов вместе с соратниками по РУАК А.В. Селивановым, В.П. и И.В. Добролюбовыми, С.Н. Худековым, Н.П. Грацианским и другими много оставили для будущих поколений Скопинского края. Это неотъемлемая часть древней Рязани, ее культуры, духовной и материальной. Здесь находится ныне действующий Дмитриевский монастырь, основанный вскоре после Куликовской битвы. Губернатором и областным правительством вынашивается решение о придании обители нового духовно-культурного статуса – достопамятного места Отечества, места широкого паломничества и посещения экскурсиями и туристами.

Неотъемлемой частью великой российской культуры, безусловно, является скопинский гончарный промысел, “родоначальник” Скопинской художественной керамики, которую знает теперь весь мир. Изделия скопинских горшечников вошли в первые коллекции музея РУАК, а также – Санкт-Петербургского музея кустарно-промышленного комитета в 1894 году. Ныне на скопинской земле каждые два года проходит Международный фестиваль гончаров. В этом году в празднике участвовали представители иностранных государств и более половины российских республик и регионов, где сохранились центры гончарства. Участники фестиваля предложили открыть в Скопине музейный комплекс российского и зарубежного гончарства. Многие из них уже подарили для будущего музея свои авторские изделия. Пришло время практических дел: проектирования и реконструкции под музей здания бывшей городской поликлиники на площади Гончарной, проведения научно-обоснованных раскопок в заповедной зоне гончарной слободы на улице Рязанской. В общем, нужно сделать все, чтобы Правительство России обратило на это предметное внимание.

И еще об одном. В 2005 году исполняется 160 лет с момента открытия в скопинском благородном дворянском собрании первых театральных спектаклей. Скопин – родина А.Н. Афиногенова, классика советской драматургии, с его театральными традициями дореволюционного и советского театров. Скопин известен в стране и за рубежом неординарной творческой театральной деятельностью молодежного театра “Предел”, руководимого заслуженным работником культуры России В.Ф. Делем. Новый театр ныне обретает свое собственное театральное здание.

И, рассуждая на тему круглого стола, хочу отметить, что рязанское культурное гнездо, к созданию которого имел прямое отношение С.Д. Яхонтов, живет и развивается».

И.В. Грачева, к. ф. н., РГПУ: «По нашим наблюдениям, поскольку у нас вводится курс историко-литературного краеведения, получается, что пиком, действительно, является конец XVIII – начало XIX века. Пожалуй, до середины XIX века – самый мощный вклад в общероссийскую культуру. Это имена поэтов: Анна Бунина, Нечаев, это Степан Жихарев с его записками, это записки Головнина, это критика Невзорова (журнал “Друг юношества”), это Надеждин – известный, маститый русский критик.

А вот вторая половина века, кроме Хвоцинской, все остальные либо приезжие, которые здесь случайно были, либо такие авторы, которые были известны только в Рязани, а за ее пределами их имена не пользовались популярностью. Вот что самое интересное, начало XIX века, вот эти самые провинциалы, которые служат в Москве, Петербурге, тот же Жихарев, Нечаев, они все равно несут в себе ощущение, что они провинциалы. Нечаев всегда этим гордился и себя противопоставлял Петербургу и московскому обществу. Жихарев в записках прямо пишет, что нас, провинциалов, здесь, в Петербурге, не жалуют. А Анна Бунина в своих поздних стихах вспоминает свою жизнь в своем имении, когда она достигла уже славы, известности.

И второе, о чем здесь говорилось, верно, это не только те люди, которые внесли свой вклад в общерусскую культуру, но это и стремление общества потреблять эту культуру. Меня удивили записки, воспоминания Полонского. Он говорил, что литературе он учился не столько в гимназии, где преподавание было достаточно архаичным и где вообще считали: Лермонтова читать неприлично, Гоголь – безнравственный писатель. Он учился по тетрадям, альбомам, найденным у своих знакомых, где были переписаны произведения Пушкина и Лермонтова, с которыми он и познакомился вот по этим домашним альбомам.

Я видела в нашем архиве альбомы провинциалов, которые жили, один в Рязске, другой, видимо, под Касимовом. Меня удивили хорошие знания лучших журналов России. Я увидела там произведения, например, из “Полярной звезды”. Они хорошо знали произведения не только Пушкина, переписывали его, но и Дениса Давыдова, Рылеева, который, оказывается, в провинции пользовался большой популярностью. Скажите, кто сейчас из выпускников знает Рылеева. После выпуска из школы они не знают ни одного имени. А здесь сидит человек из какой-то Рязской глубинки, и вот, пожалуйста: переписывает Рылеева очень старательно. Была еще эта тяга, потребность.

Хочется обратить внимание на то, что пока мы говорим о прошлом, не потеряем ли то, что уходит на глазах бесследно, безвозвратно. Читаем мы со своими студентами отрывки из дневника Белинского. Он пишет, что проезжал в Москву учиться в университет мимо рязанских деревень. Его поразили деревянные дома вдоль дороги, сделанные из добротного леса с богатым деревянным орнаментом. В других мемуарах встречаются упоминания, что даже “наверши” у колодцев тоже были орнаментированы. Деревянная резьба отличалась от резьбы Нижегородской, от Городецкой. В чем были ее особенности? Рязанцы, действительно, были когда-то замечательными плотниками – артели ходили по всей России, нанимались на работу, строили церкви, часовни, дома с теми же узорами. А где мы можем вывести студентов показать – вот вам часовенка, вот вам церквушка деревянная, вот этот колодец с резным “навершем”, вот вам особенности орнамента деревянного. У нас есть мастерские, где работают по дереву, но это современные мастерские, а где прошлое? А ведь в Рязани сколько сейчас выжигается деревянных домов беспощадно. Они исчезают, и никто не интересуется, а какие там “ставеньки”, а какие там подзоры, а какие там наличники. И сколько этих домов обречено: смотришь стекла выбиты, двери раскрытые, ясно – завтра-послезавтра их не будет. И уходит эта культура XIX века. У нас уже нет ни одной улицы, которую мы могли бы показать: вот это старая Рязань. А ведь в других городах хранят эти улицы, объявляют заповедными. Там не позволяют строить на этих улицах. Хотя бы что-то, маленький кусочек исторической Рязани сохранить».

А.А. Севастьянова: «Невозможно не откликнуться. На самом деле, что касается уничтожении Рязани, мы на каждой конференции об этом говорим».

И.Н. Канаев, Рязанский областной центр детско-юношеского туризма: «И что дальше? За 20 лет я присутствовал на 18 конференциях. КПД этих конференций снижается наполовину, если нет каких-то результатов – обращений к властям ли, к широкой общественности. Наш голос не просто должен быть услышан, но и какие-то действия должны последовать за этим, это обязательно. Иначе С.Д. Яхонтов нас не понял бы, если бы находился в этом зале».

А.А. Севастьянова: «Я присоединяюсь к пожеланию выработать обращение к широкой общественности города по поводу состояния его культурного наследия.

Возвращаясь к альбомной теме. Вообще-то, это традиция не Рязанской земли. Мне приходилось смотреть множество альбомов XVIII – начала XIX века. Это типичная черта русской культуры: и дворянской, и мещанской. На нашей конференции Н. Гладилина посвятила свой доклад в том числе и тем альбомам, которые хранятся здесь, в Рязани».

А.А. Чубур, к. и. н., Брянский филиал Российского государственного социального университета: «По поводу формирования культурных гнезд в других регионах. Брянск в этом отношении, на мой взгляд, был у России поздним ребенком, поскольку долгое время это был обычный, рядовой уездный городок. И вот уже на рубеже 20-х годов XX века работавший там школьным инспектором Сергей Сергеевич Деев начал создавать краеведческое общество, вокруг которого стало формироваться Брянское культурное гнездо. Сам Деев не был коренным брянчанином. Он выходец из Петербурга, где получил образование, некоторое время работал там, а затем, по чиновничьей линии переведен в Брянск.

Является ли он представителем Брянского культурного гнезда? На мой взгляд, несомненно, является, хотя родился он не в Брянске. Он начал формировать вокруг себя увлеченных, заинтересованных в развитии культуры людей. Возле него оказались и местный дворянин Прошняков, который в дальнейшем стал создателем музея в Трубчевске, одном из древнейших городов на Брянской земле. Возле него оказались краеведы Благодатский, Васинский, к сожалению, их всех постигла в 1938 году страшная судьба, никого из них не осталось в живых.

Люди, окружавшие Деева, и сам Деев создали не только музей, не только краеведческое общество. Именно благодаря их деятельности возникли в Брянске архив, научная библиотека имени Тютчева. Эти люди тоже не коренные брянчане. Тот же Благодатский, он родом из Белоруссии (изменил настоящую фамилию – Козел – с позволения императора, когда стал работать школьным учителем). Необязательно, наверное, разыскивать среди основателей людей, формирующих культурные гнезда, лишь тех, кто здесь родился. Важно то, что человек появился здесь и внес какой-то вклад.

С другой стороны, а те, кто родился здесь, на Брянской земле, все ли они могут называться представителями Брянского культурного гнезда? Скорее всего – нет. Пример немножко из другой эпохи, полвеком

раньше – Федор Иванович Тютчев. Говорят “брянчанин”, родом из-под Брянска, из Олстуга. Но он провел там детство и затем всего три раза приезжал в Олстуг. По его переписке видно, что на самом деле он ненавидел это место. Он терпеть его не мог, просто нужно было появляться, чтобы вести дела в имении, которое кормило его семью. А жил он то в Петербурге, то в Мюнхене. О каком Брянском культурном гнезде может идти речь? Хотя сейчас очень хорошо на имени Тютчева делают имена местные политики. И медали создают имени Тютчева, которыми награждают всех, вплоть до посла США, который приезжал к нам. Нужно подходить к проблеме формирования культурного гнезда с точки зрения вклада того или иного человека в развитие, подъем местной культуры, а уж кто, где родился – это не столь важно.

Если брать, допустим, Рязань, здесь говорят, что все те, кто представлен в зале “Во славу Отечества”, покинули Рязань. Но есть разные ситуации. Например, тот же археолог В.А. Городцов, который покинул Рязань по той причине, что он был русским офицером – куда Родина пошлет, там и служит. В итоге он стал археологом и неоднократно возвращался в родные места и вел раскопки и т. д. Хотя, конечно, и не только здесь. Его можно, несомненно, относить к Рязанскому культурному гнезду.

И еще. Я считаю, что следует от имени нашей конференции выработать обращение к властям – предложить ту же улицу Щедрина, которая сейчас более или менее сохранилась, сделать заповедной зоной. Соответственно, заключить охранное соглашение с теми, кто проживает на этой улице, вот в этих самых уникальных домах. Это этнографический рай, и мы теряем его на глазах. Есть такой вопрос на круглом столе – различие и сходство того, что было сто лет назад. Тогда эта русская старина еще не уходила, она была повсюду. И не было этой проблемы, а сейчас эта проблема стоит очень серьезно. Если мы не сохраним сейчас все это, то спасибо нам не скажут ни следующие поколения краеведов, ни поколения этнографов. Придется новым поколениям все изучать только по нашим статьям, по нашим книжкам, ведь не будет других источников».

А.А. Севастьянова: «Я особенно благодарна за эти замечания. Он был у нас вынесен на круглый стол этот первый вопрос – век назад, рубеж веков, общая особенность с нашим временем для культурных начинаний. Уверяю вас, когда мы сочиняли эту первую позицию, мы думали о том, что вот так, стихийно и горячо всплыло в последней части нашего круглого стола».

А.О. Никитин, исследователь, г. Рязань: «В чисто орнитологическом смысле гнездо – это место, где насиживаются птенцы, которые это место потом обязательно покинут. Если подходить к понятию культурного гнезда в этом смысле, то, очевидно, что в Рязани оно было всегда: потому что разлетались его птенцы обогащать генофонд России во всех делах. Может быть, если говорить о местности, то правильнее говорить о культурном бульоне, который бывает разных концентраций, который существует всегда, в рамках которого могут существовать различные

круги, концентрирующиеся при сгущении этого бульона и никогда не соприкасающиеся между собой: потому что существует понятие, которое имело место в тот период формирования русской интеллигенции и в том ее качестве, в котором она и в XX веке продолжала существовать и, в каком-то смысле, в реликтовом виде существует и по сей день.

Я полагал, что мы будем говорить преимущественно о Яхонтове и вокруг Яхонтова, поэтому я приготовил пару архивных выписок. Одна – это прошение начальнику Мариинской гимназии Степану Дмитриевичу Яхонтову от преподавательницы той же гимназии Ольги Дмитриевны Климовой. В 1916 году она просила своего начальника выдать ее падчерице свидетельство об окончании этой Мариинской гимназии, которое необходимо той для предоставления в заграничный университет, на что Яхонтов запросил жандармское управление. Откуда последовал ответ, что по наведенным справкам оказалось, “что бывшая вверенной вам гимназии Наталья Климова за совершение государственного преступления была приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, а потом лишена всех прав, и документы ей выдаваться не могут”. Резолюция Степана Дмитриевича – отказать. И написано: “Климовой объявлено лично”.

Второй документ по прошествии пяти лет. Седьмого ноября 1921 года заседание Общества исследователей Рязанского края, на котором присутствуют: Яхонтов, Солодовников и прочие, а также молодые люди. Дорогутин делает доклад на тему из истории революционного движения “Климова, ее жизнь и деятельность”. По докладу выступали Яхонтов, Сидоров, Солодовников. Безусловно, Яхонтов, Селиванов, Проходцов – образы этих людей, их дела и труды нас, историков, сопровождают всю жизнь и в некотором роде стали предметами культа. Естественно, мы воспринимаем их гораздо объективнее, чем их современники. Но не нужно забывать о том, что для той же Натальи Климовой во время обучения в Мариинской гимназии Яхонтов был всего лишь преподаватель – любимый, нелюбимый, хороший, строгий и т. д.

Рязанская ученая архивная комиссия представляла собой достаточно узкий круг лиц, понимавших друг друга с полуслова, объединенных общими задачами. Но рядом существовала некая другая культурная среда, с ней абсолютно не соприкасавшаяся. Я говорю о людях, которые родились на поколение позже и, в отличие от Яхонтова, Проходцова, в обеспеченных семьях. Яхонтов и Проходцов вылезли из страшной нищеты, сделали себя сами, добрались до генеральских чинов, они были, по определению, консерваторами, умеренными или откровенными. И вот рядом та же Климова, Гусев, Шиловский, Быков и прочие, которые живут уже совершенно другим, для которых эти наставники, скорее всего, просвещенные обыватели, безнадежно отставшие от требований века. И просто представьте себе, как пишет в своих воспоминаниях Соколова о Мариинской женской гимназии, каким афронтом для ее начальства, а стало быть, и для Яхонтова было участие их бывшей ученицы Н.С. Кли-

мовой в покушении на Столыпина в 1906 году. Мне страшно интересно знать, о чем думал, пытался ли С.Д. Яхонтов понять этих людей. Были ли они в его глазах всего-навсего сумашедшими молодыми людьми? Сейчас сменились ориентиры и для нас революционаризм – некая патология. Поколение примерно 1880 года рождения – это люди первых марксистских, эсеровских кружков, ставшие страшными максималистами 1906 года, среди них было очень много рязанцев.

Николай Николаевич Гусев, приехав делать доклад на то же заседание Общества исследователей Рязанского края, говорил об этой молодежи как о светлых людях, хотя он разошелся с ними к тому времени. Он сказал вещь, которая страшно возмутила присутствующих (произошел такой скандал, что Общество чуть было не закрыли): «Будь эти люди сейчас на вашем месте, на месте большевиков, они никогда не стали бы сажать своих товарищей по борьбе в тюрьмы».

Интересная закономерность: те, кто выжил после 1905–1906 годов, после этой страшной мясорубки, не растворились, стали крупными деятелями науки: Дмитрий Дмитриевич Лебедев, дядя Г.К. Вагнера – Иван Васильевич Кожин, дядя Эраста Гарина, брат погибшего в перестрелке с полицией Языкова, который стал крупным врачом.

Существует культурный бульон, в котором идут свои процессы, которые нельзя сводить к какому-то одному направлению. Сейчас, с точки зрения сегодняшнего дня, вся деятельность Яхонтова для нас представляется каким-то сплошным подвижничеством, равным по степени самопожертвованию террористов, которые отправляются убивать великого князя Сергея Александровича. Так оно и было. Только тут жизнь приносится в жертву с гораздо большей пользой на протяжении почти целого века».

А.А. Севастьянова: «Наталью Климову мы все в Рязани знаем только по скверу. Я имею в виду повседневность знания».

А.О. Никитин: «Могу сказать, что духовное наполнение этой личности и необыкновенный масштаб сопоставимы с личностью Степана Дмитриевича Яхонтова».

А.А. Севастьянова: «Боюсь, что я не соглашусь. Время нашего круглого стола фактически истекло. Нам нужно подумать об итогах».

Л.А. Андриюкина, начальник управления культуры и массовых коммуникаций Рязанской области: «Уважаемые коллеги! Тема, которая выносится на круглый стол, кажется мне сегодня чрезвычайно актуальной и современной. Я с уважением отношусь к вашим научным исследованиям, но скажу как прагматик: я хотела бы видеть, что из опыта прошлого мы могли бы использовать в своей сегодняшней жизни. Чтобы о нашем поколении спустя сто лет могли говорить: было или не было культурное гнездо в Рязани в XX–XXI веках, были или не были люди, которые оставили заметный след в истории нашего Отечества. Я глубоко убеждена, что люди, жившие в Рязанской губернии, т. е. родившиеся и даже покинувшие ее, если они определенный период времени жили на

Рязанской земле, являются носителями определенных мотивов, связанных с Рязанской землей.

Вчера я присутствовала на юбилее полковника Силкина, уроженца Рязанской земли. Там присутствовало Рязанское землячество. В Москве выходцев из Рязанской области более 600 тысяч человек, вдумайтесь в эту цифру. Это больше, чем население Рязани. Это не просто выходцы из Рязани, это люди, у которых есть сегодня определенный общественный, политический и прочий статус. Это люди, которые сегодня определяют некий момент развития нашего общества. И многие из них с гордостью говорят, что они родились на Рязанской земле и что Рязанская земля их сформировала.

С другой стороны, сегодня на нашей Рязанской земле, вопреки всему, идет процесс развития культуры. Мы видим за последнее время развитие и возникновение музеев. Причем, не только традиционным способом создаются музеи, когда накоплена коллекция, потом музей получает статус. Музей иногда создается с нуля, когда принимается решение о создании музея, а потом идет формирование коллекции.

Только несколько примеров: музей русской песни. Если вы побываете в нем, то увидите, что это совершенно полноценный музей, который уже сегодня за небольшое количество лет, менее пяти, стал центром города Сасово, Сасовского района и даже, в какой-то мере, региона – не только Рязанской области. Или музей-мемориал Скобелева. Известно, что М.Д. Скобелев не был земляком нашим по рождению. У родителей было имение в Рязанской губернии, и Скобелев завещал себя похоронить на Рязанской земле. За год этот музей посетило более трех тысяч человек. Это посещение муниципального музея в районном центре. И сегодня, спустя год с открытия музея, он пополнился уникальными коллекциями и экспонатами, которые на безвозмездной основе передали музею, прежде всего, Центральный музей вооруженных сил и исследователи жизни и творчества жизни Скобелева. Это все свидетельство того, что можно говорить о развитии культуры и создании, может, я не права, и каких-то культурных центров. Вместе с тем сегодня прозвучала такая фраза, что вот этот взлет культурного развития всегда совпадал с неким ослаблением гнета власти. У нас уже пятнадцать лет (или даже больше) нет никакого гнета власти. И вот скажите мне, пожалуйста, какие такие взлеты мы с вами увидели. Более того, может, я буду сейчас не права, но я наблюдаю часто иждивенческую позицию со стороны очень многих людей, которые считают, что власть им все должна дать. Мы готовы приветствовать инициативы, любые, но, к сожалению, сегодня этих инициатив, по крайней мере, у нас, в Рязанской области, нет. Поэтому я хотела бы поблагодарить вас за то, что вы делаете в научном плане. Но я бы очень хотела, чтобы ваши научные исследования прошлого имели результат в виде какого-то конкретного предложения: как мы сегодня можем это прошлое поставить на пользу и службу сегодняшнему. Ведь, к сожалению, сегодняшние дети, несмотря на то, что у нас есть спецклассы, музеи и

все прочее, страшно далеки от того, чтобы прошлое нашего края, о котором мы говорим – основа развития России, было бы их жизнью. Спасибо вам огромное. Я желаю вам удачи. И я очень надеюсь, что эти конференции будут способствовать развитию культуры Рязанского края, России в целом и на сегодняшний день, современном этапе».

А.А. Севастьянова: «Людмила Алексеевна! И все же пользуясь, что Вы сегодня здесь с нами, и пользуясь тем, что круглый стол проходит при всех руководителях секций, которые работают вот уже третий день: нельзя спустить на тормозах озабоченность нашу тем, что происходит с памятниками в городе. Этот вопрос к Вам, в том числе, и еще я думаю, что присутствующие, может, выскажутся в том плане, что можем мы сейчас просить оргкомитет выработать от наших чтений обращение. Как вы считаете, коллеги?»

Л.А. Андриюкина: «Я отвечу на этот вопрос. Практически полгода, как я работаю в этой должности, я только этим и занимаюсь. Мы с болью наблюдаем, так как мы являемся органом согласующим, все, что происходит на территории Рязанской области и, в частности, в городе Рязани.

Например, если вы знаете угол улицы Ленина и Введенской, напротив Дома быта – площадка. Дом, который уничтожен, стерт с лица земли, на бумаге он числится, потому что с охраны это здание никто не снимал. Многие люди знают, что много лет тому назад мы специально переводили, повышали статус наших, прежде всего деревянных зданий в федеральные памятники для того, чтобы не позволить чиновникам местного уровня эти здания по разным причинам уничтожать. Найти концы очень сложно, дом сгорел. Дом сгорел и напротив того здания, где сейчас находится управление культуры. И я вижу, как сейчас разрушается здание. Вопреки тому, что в охранной зоне можно строить дом в четыре этажа, строится дом шестиэтажный. Что делать? Разрушать два последних этажа? Мы подаем в суд, судимся с ними. У нас сегодня никакой другой основы, кроме как судебной, нет. Земля принадлежит городу, кто поджег здание – неизвестно. Сколько раз поджигали дом Хвошинских, и только то, что он находится против пожарной части – это дом сберегло. Сохранить это здание невозможно, потому что нашей областной собственности там всего одна треть, все остальное – это частная собственность жильцов. Денег, выкупить эту собственность, в областном бюджете нет.

Что касается последних нашумевших вопросов, связанных с Рязанским музеем-заповедником (выступление руководства Рязанской епархии с инициативой о передаче в ее пользование Дворца Олега Рязанского кремля. – *Ред.*). Лично в мой адрес, в управление культуры и массовых коммуникаций никто не обращался. Все вопросы решаются, минуя нас, и мы с Людмилой Дмитриевной только по отголоскам вникаем в это дело. Вопрос, действительно, стоит очень жестко. Наша точка зрения совпадает с точкой зрения Людмилы Дмитриевны, моя, в частности. Мы это высказываем, и здесь есть над чем подумать. Для Дворца Олега, в котором мы с вами находимся, разработана концепция музеефикации

этого помещения. Кроме того, В.В. Путин говорил, что все вопросы с передачей памятников нужно решать очень корректно и т. д.

Наша задача с вами – убеждать людей, убеждать власть не только в моем лице, меня нечего убеждать, что культовые здания, которые находятся сегодня на территории Рязанского кремля, не были отобраны после Октябрьской революции, что в принципе епархиальное руководство самостоятельно ушло с территории Рязанского кремля, потому что оно было мудрым, они ушли ближе к прихожанам. Я стою на позициях закона. Если вы считаете, что мы недостаточно активны в чем-то, мы готовы подписывать любые письма. Что касается моего права, то все здания, сооружения на территории нашей области, все принадлежат либо федеральному управлению Минимущества, либо управлению имущества областному. Мы следим лишь за тем, чтобы эти здания-памятники в соответствующем виде содержались и чтобы они использовались и ими распоряжались тоже в соответствии с законом. Я готова вместе с вами подписывать все обращения, я готова, если нужно, вырабатывать эти резолюции, но я прошу вас о том, что это все должно быть взвешенно и объективно. К сожалению, сегодня я соглашаюсь с тем, что утрата деревянных памятников – это страшная и непоправимая утрата. У каждого дела должны быть исполнители и руки. Вы говорили о любительском движении, сегодняшнее любительство, к сожалению, очень отличается от любительства, которое формировало культуру, в том числе и нашего края».

А.А. Севастьянова: «Подводя итоги нашему круглому столу, вашим замечательным выступлениям, думаю, что мы все вместе скажем слово удовлетворения, что круглый стол состоялся. Ведь отличие научного подхода от всякого другого в том, чтобы обобщить то, что сделано. Когда от нас требуют прямого практического действия, я, как правило, отвечаю, что у нас есть своя задача, не менее важная: у науки задача осмысливать. Но она должна по мере возможности перетекать и в практику.

Наш круглый стол – не пустое времяпрепровождение. Это мой первый вывод, хочется, чтобы вы с ним согласились. Во всяком случае, согласились с тремя моментами:

1. Хронологически в истории Рязанского края вполне можно наметить те пункты времени, те периоды, этапы, которые то возникали, то ослабевали. Это этапы более интенсивного культурного делания. Они совпадают со временем последней четверти XVIII века, рубежа XVIII–XIX века, середины XIX века. Про вторую половину говорили слабее и меньше и говорили еще о спорном вопросе рубежа XIX–XX века. Возникал этот вопрос в связи со спорной ситуацией 1920-х годов. Это вот хронологическое полотно. Мы его мозговой атакой набросали.

2. Мы говорили о влиянии среды на предпосылки создания культурного делания, и опять-таки, было отмечено, что среда эта имела совершенно конкретные времена и людей. И не моя сейчас задача повторять эти конкретные вещи, они будут опубликованы в томике чтений, когда эта среда действовала благотворно на культурное гнездо Рязанской провинции.

3. И, наконец, очень много интересного во время нашего заседания было сказано о том, как Рязанские культурные делатели чувствовали специфику своего места. Речь идет и о замечаниях по поводу исследований Рязанского края, и о роли РУАК, и о роли самого Степана Дмитриевича Яхонтова, и о том, в какие формы это могло вылиться. Спасибо всем за ту напряженную работу, которую мы сегодня утром предприняли. Желаю всем успешной работы, в том числе и по освоению Рязанского культурного гнезда».

Л.Д. Максимова: «Спасибо, Алла Александровна. Я хочу поблагодарить всех, думаю, что вы плодотворно научно поработали, я в этом не сомневаюсь».

Д.Ю. Филиппов: «Можно реплику небольшую. Проблема с памятниками и все, что мы здесь озвучили, стоит очень серьезно. Нам, действительно, надо что-то делать, иначе мы останемся на культурном пепелище. Может быть, имеет смысл создать некий общественный совет, который был бы учрежден, возможно, при управлении культуры. Я вам это адресую, Людмила Алексеевна».

Л.А. Андриякина: «Что касается наличия такого комитета или совета, то у нас существует коллегия, расширенная коллегия приглашает достаточно большое количество людей. Все спорные вопросы, которые возникают, мы постоянно рассматриваем и не по одному разу собираемся. Отбор людей в основном для обсуждения идет по нашим подведомственным и сопредельным структурам. Мы привлекаем ученых и теоретиков из педуниверситета и т. д. Но над вашим вопросом подумаем».

И.Г. Кусова: «От имени оргкомитета благодарю всех за участие в чтениях. Девяносто докладов у нас было запланировано, семьдесят прозвучало. Представители семи регионов приняли участие в чтениях. Обращение мы принимаем, подписываем: «участники конференции»».

Обращение участников Третьих Яхонтовских чтений

В ходе работы конференции неоднократно высказывались тревога и озабоченность судьбой исторической застройки Рязани. Ситуация, сложившаяся в городе, наблюдается не только в Рязани, но и во многих исторических городах России.

Сегодня Рязань накануне принятия нового плана генеральной застройки города, тем актуальнее обращение к проблеме сохранения историко-культурного наследия.

Все мы становимся свидетелями массового уничтожения исторической застройки города. Это не просто следствие строительного бума или безответственного отношения к историческому, культурному наследию. Это отсутствие понимания ценности той среды, в которой мы живем, особого городского пространства, сложившегося как результат большого исторического опыта предыдущих поколений.

Утрата отдельных памятников невосполнима. Местами новые застройщики начинают перекраивать уже и красные линии улиц. Снос угловых домов, играющих ключевую роль в архитектурно-планировочном решении улиц, обрекает всю улицу на утрату целостности и последующее разрушение. Начало этому процессу было положено в 1980–90-е годы сносом кварталов вблизи Кремля (кварталы по улице Некрасова / Соборной). Сегодня уже почти полностью снесены улицы Урицкого, Кремлевский вал. Снос старых домов идет хаотично, без должного учета того значения, которое каждый конкретный дом имеет в комплексе городской застройки.

Также хаотично ведется новое строительство, как правило, отсутствует какая-либо композиционная связь между возводящимися зданиями, качество проектов нередко вызывает сомнения. Пример – квартал напротив Кремля, ограниченный улицами Кремлевский вал и Новослободская.

Не выдерживается ограничение новостроек по высоте – одно из основных требований к застройке центров исторических городов. Пример – застройка по улицам Астраханской, Полонского, Салтыкова-Щедрина, Садовой. В результате нарушается городская линия высот, перекрываются зрительные перспективы, традиционно ориентированные на главную историческую доминанту города – ансамбль Кремля.

Местами изменен ландшафт, особенно активно это происходит по Лыбедскому бульвару – откосы русла Лыбеди, некогда занятые садами при городских усадьбах, сегодня превращены в масштабные строительные площадки – по улицам Горького, Новослободской.

В итоге приходится констатировать масштабное и необратимое разрушение городской среды.

По оценкам специалистов, Рязань – один из интереснейших городов с точки зрения архитектурного наследия. Памятником является уже сама городская планировка Рязани, не только восходящая к екатерининскому регулярному плану, но и зафиксировавшая в этом регулярном построении отдельные черты дорегулярной исторической планировки Переяславля Рязанского. Главной ценностью Рязани является ансамбль Кремля, в последние годы блестяще отреставрированный, причем, масштаб и высокий уровень реставрационных работ представляют один из немногих примеров в современной России.

Рязань – город, имеющий богатейшую градостроительную и архитектурную традицию, в которой преобладает классическое направление, воплотившееся как в каменной, так и в деревянной застройке, при этом последняя составляет значительную часть городского фонда памятников.

Уничтожение исторической части города ведет к тому, что мы получаем региональный центр без самобытного, обусловленного историей места облика, город без лица. В итоге утрачивается один из главных региональных ресурсов – туристический. Ведь даже сияющий во всем великолепии Рязанский кремль померкнет на фоне сине-зеленых стеклянных кубов и силикатных «особняков».

Мы понимаем, что проблема сохранения исторического облика Рязани чрезвычайно сложна. Остро стоит вопрос переселения людей из старого фонда, высокие цены на землю делают исторической центр привлекательным «товаром»: городу выгодно продавать эту землю, инвесторам – вкладывать средства в дорогостоящую недвижимость. Но даже в условиях рынка должна быть ответственность и перед будущими поколениями жителей Рязани, ответственность, в том числе и за сохранение исторического облика исторического города. Мы обращаемся к городским и областным властям: при решении многих сложных экономических, социальных задач не забывать и об этой стороне проблемы.

Нужен надлежащий контроль за соблюдением охранных зон, целесообразно вернуться к идее создания заповедной зоны городской застройки XIX века по ул. Салтыкова-Щедрина, как наиболее полно сохранившейся. Необходимо привести в порядок такие важнейшие для истории города и отечественной культуры в целом памятники, как Мальшинская богадельня, дом Хвощинских, Редутный дом и другие. Со стороны управления архитектуры необходим более тщательный контроль за качеством проектов зданий, возводимых в исторической зоне.

Мы надеемся, что целенаправленные совместные усилия администрации области и города, с одной стороны, научной и культурной общности, с другой, позволят сохранить для потомков историческую индивидуальность одного из старейших русских городов.

15 октября 2004 года

Список сокращений

АО	– Археологические открытия
АС	– Археологический съезд
БАН	– Библиотека Академии наук
БГУ	– Белорусский государственный университет
ВДНХ	– Выставка достижений народного хозяйства
ВИД	– вспомогательные исторические дисциплины
ВКП(б)	– Всероссийская коммунистическая партия (больше- виков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный Ленинский коммунистический союз мо- лодежи
ВНК	– Всероссийская нумизматическая конференция
ВОХР	– военизированная охрана
ВПНРК	– Всесоюзный производственный научно-реставрацион- ный комбинат
ВПШ	– Высшая партийная школа
ВСНХ	– Всероссийский совет (высший) народного хозяйства
ВСЮР	– Вооруженные силы Юга России
ВХУТЕМАС	– Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Тамбовской области
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГВИИПМЗ	– Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник («Куликово поле»)
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГИХЛ	– Государственное издательство художественной ли- тературы
ГМЗРК	– Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ГОК	– горно-обогатительный комбинат
ГПУ	– Главное политическое управление
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ГУ	– государственное учреждение

ГУАК	– губернская ученая архивная комиссия
ГУБИСПОЛКОМ	– губернский исполнительный комитет
ГУЛАГ	– Государственное управление лагерями
ГЦХНРМ	– Государственные центральные художественные научно-реставрационные мастерские
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЕГАФ	– Единый государственный архивный фонд
ЖМВД	– Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ЖС	– Живая старина
ЗРАО	– Записки русского археологического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИЗО	– изобразительное искусство
ИИМК АН СССР	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КГУ	– Курский государственный университет
ККМ	– Касимовский краеведческий музей
КМЗ	– Коломенский машиностроительный завод
КНОИМК	– Костромское научное общество по изучению местного края
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МВД	– Министерство внутренних дел
МВЦ	– музейно-выставочный центр
МГА МИД	– Московский государственный архив министерства иностранных дел
МГБ	– Министерство государственной безопасности
МГУКИ	– Московский государственный университет культуры и искусства
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК СССР	– Министерство культуры СССР
МУЗЕЙ АХ	– Музей Академии художеств
НА КГОМА	– научный архив Курского государственного областного музея археологии
НА ККМ	– научный архив Касимовского краеведческого музея
НА РИАМЗ	– научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника
НИЛПРО	– Научно-исследовательская лаборатория проблем регионализации образования
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	– Народный комиссариат юстиции
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОЛРС	– Общество любителей русской словесности
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ

ОР ГИМ	– отдел рукописей ГИМ
ОРРК РНБ	– отдел рукописной и редкой книги РНБ
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ
ПК	– Посольская книга
ПКРК	– Писцовые книги Рязанского края
ПКСРНО	– Посольские книги по сношениям России с Ногайской Ордой
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЗУ	– Российский государственный аграрный заочный университет
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	– Российская государственная библиотека (ранее Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина)
РГВ	– Рязанские губернские ведомости
РГВА	– Российский государственный военный архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГПИ	– Рязанский государственный педагогический институт
РГПУ	– Рязанский государственный педагогический университет (с ноября 2005 г. – Рязанский государственный университет)
РЕВ	– Рязанские епархиальные ведомости
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИО	– Русское историческое общество
РИРО	– Рязанский институт развития образования
РК	– Разрядная книга
РКИ	– Рабоче-крестьянская инспекция
РКП (б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РМ	– Радищевский музей (Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева)
РНБ	– Российская национальная библиотека (ранее Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)
РОВС	– Русский общевойсковой союз
РОИА	– Российское общество историков и архивистов
РО ИРЛИ (ПД)	– рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН
РОКМ	– Рязанский областной краеведческий музей
РПЦ	– Русская православная церковь
РУАК	– Рязанская ученая архивная комиссия
САИ	– Свод археологических источников
СНК	– Совет народных комиссаров
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ

Список сокращений

ТРУАК	– Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ТУЛГУ	– Тульский государственный университет
УАК	– ученая архивная комиссия
УОНО	– уездный отдел народного образования
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности
ЦАОДМ	– Центральный архив общественного движения г. Москвы
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области
ЦГИА	– Центральный государственный исторический архив
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральный комитет
ЦНИБО ГАБО	– Центр новейшей истории Брянской области Государственного архива Брянской области
ЦНИТО	– Центр новейшей истории Тульской области
ЧК	– Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЮКМ	– Юдиновский краеведческий музей (Брянская область)
ЯЕВ	– Ярославские епархиальные ведомости
ЯХМ	– Ярославский художественный музей

Сведения об авторах*

1. **Азовцев Андрей Васильевич**, исследователь, г. Рязань.

2. **Акульшин Петр Владимирович**, РГПУ, доцент кафедры древней и средневековой истории Отечества, к. и. н., (0912) 28-04-40, akulshin@post.rzn.ru, г. Рязань.

3. **Алексеев Игорь Алексеевич**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела этнографии и древнерусского искусства, (0912) 27-60-71, г. Рязань.

4. **Антонов Валерий Александрович**, РГПУ, аспирант кафедры древней и средневековой истории Отечества, (0912) 55-80-28, г. Рязань.

5. **Артемкина Зинаида Григорьевна**, РИАМЗ, ученый секретарь, (0912) 27-60-72, г. Рязань.

6. **Безуглова Валентина Васильевна**, Рязанская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, заведующий отделом краеведения, (0912) 25-43-78, г. Рязань.

7. **Беляков Андрей Васильевич**, Рязанский филиал Московского психолого-социального института, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, к. и. н. feb@ru.ru, г. Рязань.

8. **Боярченков Владислав Викторович**, Рязанская государственная радиотехническая академия, доцент кафедры истории и культуры, к. и. н., (0912) 76-61-10 (доб. 106), г. Рязань.

9. **Боярченкова Оксана Игоревна**, РГПУ, аспирант кафедры древней и средневековой истории Отечества, (0912) 28-04-40, г. Рязань.

10. **Брюханова Елена Владимировна**, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», заведующий отделом декоративно-прикладного и народного искусства, (08536) 612-44 (доб. 242); rostkreml@mail.ru, г. Ростов Великий Ярославской области.

11. **Букринская Нина Константиновна**, исследователь, (09666) 433-79, г. Зарайск Московской области.

12. **Буланкин Валентин Матвеевич**, Центр сохранения объектов культурного наследия, старший научный сотрудник отдела археологии, (0912) 25-40-74, г. Рязань.

13. **Бусева-Давыдова Ирина Леонидовна**, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской

---

* Данные по состоянию на 2004 год.

академии художеств, ведущий научный сотрудник отдела древнерусского искусства, кандидат искусствоведения, г. Москва.

14. **Ватник Нисон Семенович**, Коломенский государственный педагогический институт, заведующий кафедрой истории, доцент, к. и. н. (09661) 342-87, г. Коломна Московской области.

15. **Гладилина Наталья Николаевна**, РГПУ, аспирант кафедры древней и средневековой истории Отечества, nazivin@sura.ru, г. Рязань.

16. **Гольцева Галина Константиновна**, ГАРО, заведующий отделом публикаций и научного использования документов, (0912) 45-57-08, г. Рязань.

17. **Горбунов Борис Владимирович**, РИРО, профессор кафедры общественных и экономических дисциплин и социальной политики, заведующий научно-исследовательской лабораторией проблем регионализации образования, доктор исторических наук, (0912) 44-49-02 (доб. 264), г. Рязань.

18. **Горшкова Татьяна Викторовна**, Егорьевский историко-художественный музей, хранитель фондов, (09640) 416-23, г. Егорьевск Московской области.

19. **Грачева Ирина Владимировна**, РГПУ, доцент кафедры русской литературы кандидат филологических наук, (0912) 25-35-49, г. Рязань.

20. **Губин Дмитрий Вячеславович**, РИАМЗ, заведующий издательским отделом, к. и. н., (0912) 27-21-11, dvigubin@rambler.ru, г. Рязань.

21. **Гунякова Ирина Викторовна**, РГПУ, аспирант кафедры древней и средневековой истории Отечества, (0912) 28-04-40, г. Рязань.

22. **Двораковский Виталий Борисович**, Финансовая академия при Правительстве РФ, начальник отдела сетевых технологий, (095) 454-31-52, dvor@list.ru, г. Москва.

23. **Динер Сергей Эдуардович**, Егорьевский историко-художественный музей, заведующий отделом истории, (09640) 441-84, г. Егорьевск Московской области.

24. **Егоров Вячеслав Николаевич**, исследователь, г. Скопин Рязанской области.

25. **Ена Александр Сергеевич**, РГПУ, аспирант кафедры древней и средневековой истории Отечества, (0912) 28-04-40, г. Рязань.

26. **Желтов Михаил Борисович**, Рязанский филиал Современной гуманитарной академии, преподаватель, (0912) 76-71-30, г. Рязань.

27. **Жиркова Татьяна Михайловна**, Коломенский государственный педагогический институт, доцент кафедры истории, к. и. н., (09661) 342-87; ktiti@kolomna.ru, г. Коломна Московской области.

28. **Журавлева Юлия Борисовна**, Центр компьютерного обучения, директор, (0832) 68-67-88, г. Брянск.

29. **Загрина Наталья Александровна**, Музей-усадьба академика И.П. Павлова, директор, (0912) 25-40-72, г. Рязань.

30. **Зайцев Владимир Михайлович**, РГПУ, доцент кафедры социологии, к. и. н., (0912) 91-10-10, г. Рязань.

31. **Зацепина Ольга Васильевна**, Музей русской песни, директор, г. Сасово Рязанской области.

32. **Звездина Юлия Николаевна**, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», старший научный сотрудник научно-издательского отдела, кандидат искусствоведения, (095) 202-86-52, г. Москва.

33. **Зорин Александр Васильевич**, КГОМА, главный хранитель, к. и. н., (0712) 227-90; kgoma@pochta.ru, г. Курск.

34. **Иванов Дмитрий Александрович**, Центр сохранения объектов культурного наследия, старший научный сотрудник отдела археологии, (0912) 25-40-74, г. Рязань.

35. **Каширина Ольга Геннадьевна**, ГВИИПМЗ «Куликово поле», экскурсовод, (0872) 36-71-85, г. Тула.

36. **Кирьянова Елена Анатольевна**, РГПУ, доцент кафедры новой и новейшей истории, к. и. н., kea@gals.ryazan.ru, г. Рязань.

37. **Киселев Александр Петрович**, Государственный историко-архитектурный, художественный и археологический музей-заповедник «Зарайский кремль», старший научный сотрудник, (8266) 257-34, г. Зарайск Московской области.

38. **Киселев Алексей Валерьевич**, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», заведующий археологическим отделом, к. и. н., (08536) 625-53 (доб. 260), mus@yaroslavl.ru; rostkreml@mail.ru, г. Ростов Великий Ярославской области.

39. **Козлова Юлия Анатольевна**, ГТГ, старший научный сотрудник отдела древнерусского искусства, (095) 953-29-64, г. Москва.

40. **Коренькова Наталья Петровна**, средняя общеобразовательная школа № 1, учитель, (8266) 257-34, г. Зарайск Московской области.

41. **Круцких Анна Михайловна**, Рязский краеведческий музей, главный хранитель, (09132) 218-66, г. Рязань Рязанской области.

42. **Крючков Василий Валерьевич**, Рязанский филиал Московского университета МВД РФ, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, к. и. н., г. Рязань.

43. **Мельник Александр Гаврилович**, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», заведующий архитектурным отделом, (08536) 332-94, rostkreml@mail.ru, г. Ростов Великий Ярославской области.

44. **Моисеев Максим Владимирович**, Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова, аспирант, (095) 751-47-04, г. Москва.

45. **Моладикова Алена Анатольевна**, РГПУ, аспирант кафедры новой и новейшей истории, (0912) 28-19-35, г. Рязань.

46. **Морковкин Юрий Викторович**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела развития, (0912) 21-56-70, г. Рязань.

47. **Никитин Александр Олегович**, исследователь, (0912) 25-81-43, г. Рязань.

48. **Никитина Ольга Алексеевна**, Российская академия права и уп-

правления Минюста России, преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант РГПУ, (0912) 98-56-22, г. Рязань.

49. **Николаева Мария Валентиновна**, РГАДА, ведущий специалист; Научно-исследовательский институт градостроительства и архитектуры Академии архитектуры, старший научный сотрудник, к. и. н., m-nikol@yandex.ru, г. Москва.

50. **Одинец Елена Григорьевна**, Центральные научно-реставрационные проектные мастерские МК РФ, главный архитектор проектов, (095) 911-58-18, г. Москва.

51. **Панкова Татьяна Михайловна**, РИАМЗ, заведующий отделом этнографии и древнерусского искусства, (0912) 27-60-71, г. Рязань.

52. **Панферова Татьяна Николаевна**, Сасовский краеведческий музей, директор, (09133) 503-45, г. Сасово Рязанской области.

53. **Попова Анна Дмитриевна**, Рязанский филиал Академии права и управления, декан юридического факультета, к. и. н., (0912) 21-56-05, г. Рязань.

54. **Попова Ольга Дмитриевна**, Рязанский медицинский университет, старший преподаватель кафедры истории и философии, к. и. н., (0912) 76-26-98, г. Рязань.

55. **Пронин Анатолий Борисович**, Егорьевский историко-художественный музей, научный сотрудник, (09640) 441-84, г. Егорьевск Московской области.

56. **Пуцко Василий Григорьевич**, Калужский областной художественный музей, заместитель директора по научной работе, (0842) 56-29-48, г. Калуга.

57. **Савельева Елена Константиновна**, Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева, ученый секретарь, (8452) 26-03-24, radmuseumart@radmuseumart.ru, г. Саратов.

58. **Сахарова Оксана Михайловна**, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70, г. Рязань.

59. **Севастьянова Алла Александровна**, РГПУ, профессор кафедры древней и средневековой истории Отечества, доктор исторических наук, (0912) 28-04-40, г. Рязань.

60. **Серафим (Питерский)**, Рязанская епархия, игумен, (0912) 34-81-71, г. Рязань.

61. **Синельникова Татьяна Петровна**, ГАРО, директор, (0912) 45-67-61, г. Рязань.

62. **Смирнов Владимир Иванович**, исследователь, (09640) 369-61, г. Егорьевск Московской области.

63. **Соза Лилия Нисоновна**, Коломенский государственный педагогический институт, ассистент кафедры истории, аспирант Московского государственного областного университета, (09661) 342-87, ktti@kolomna.ru, г. Коломна Московской области.

64. **Соколов Александр Станиславович**, Рязанская государственная радиотехническая академия, заведующий кафедрой истории и культуры, доцент, к. и. н., (0912) 76-61-10 (доб. 106), г. Рязань.

65. **Стародубцев Геннадий Юрьевич**, КГОМА, директор, (0712) 227-90; kgoma@pochta.ru, г. Курск.

66. **Страхов Василий Вячеславович**, РГПУ, начальник учебно-методического управления, доцент, к. и. н., (0912) 28-14-35, г. Рязань.

67. **Толстов Виталий Алексеевич**, Рязанский институт управления и права, доцент кафедры иностранных языков, к. и. н., г. Рязань.

68. **Трибунский Павел Александрович**, Лицей искусств, преподаватель, к. и. н., (0912) 75-48-79, г. Рязань.

69. **Тян Ольга Сергеевна**, Рязанский филиал Академии права и управления, старший преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин, к. и. н. (0912) 21-56-05, г. Рязань.

70. **Урманов Михаил Станиславович**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела истории, (0912) 21-06-95, г. Рязань.

71. **Филатов Игорь Альбертович**, Рязанский филиал Современной гуманитарной академии, старший преподаватель, (0912) 21-11-17, г. Рязань.

72. **Филиппов Дмитрий Юрьевич**, ГАРО, главный архивист; Рязанская государственная радиотехническая академия, доцент кафедры истории и культуры, к. и. н., (0912) 45-06-01, г. Рязань.

73. **Хабарова Ольга Борисовна**, Рязанский заочный институт МГУКИ, старший преподаватель, г. Москва.

74. **Хан Николай Александрович**, Институт археологии РАН, докторант, к. и. н., (095) 985-82-81, kh-niko@mail.ru, г. Москва.

75. **Цеменкова Вероника Витальевна**, Касимовский краеведческий музей, старший научный сотрудник, (09131) 438-36, г. Касимов Рязанской области.

76. **Цепков Александр Иванович**, издательство «Александрия», руководитель, (0912) 31-27-73, г. Рязань.

77. **Цепляев Сергей Евгеньевич**, ГВИиПМЗ «Куликово поле», заведующий экскурсионно-просветительским отделом, (0872) 36-71-85, г. Тула.

78. **Чекурин Леонид Васильевич**, Рязанский заочный институт МГУКИ, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин, профессор, к. и. н., (0912) 44-88-02, г. Рязань.

79. **Чельцова Нина Борисовна**, РГПУ, директор музея истории РГПУ, (0912) 28-19-38, г. Рязань.

80. **Челяпов Виктор Павлович**, Центр сохранения объектов культурного наследия, начальник отдела археологии, (0912) 25-40-74, г. Рязань.

81. **Чернышев Сергей Валерьевич**, Брянский филиал Московского государственного социального университета, доцент кафедры социальной работы, к. и. н., chernyshov_@rambler.ru, г. Брянск.

82. **Чубур Артур Артурович**, Брянский филиал Российского государственного социального университета, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, к. и. н., fennesfox@mail.ru, г. Брянск.

83. **Чумичева Елена Владимировна**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70, г. Рязань.

84. **Шапилова Елена Васильевна**, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела фондов, (0912) 27-60-70, г. Рязань.

Содержание

Пленарное заседание

А.Д. Попова

Цивилизационный метод
и изучение региональной истории 5

Г.К. Гольцева

Специализированное здание для ГАРО.
История проблемы 8

Б.В. Горбунов

Издание серии «Материалы и исследования
по рязанскому краеведению» – итоги и перспективы 16

Музейное и архивное дело: теория и практика

С.В. Чернышов

Международные связи архивистов Брянской области
(перспективы совместной работы) 19

В.А. Толстов

Музей Рязанской ученой архивной комиссии
(1884–1918): основные вехи развития 23

В.В. Цеменкова

Становление и развитие Касимовского
краеведческого музея в 1920-е годы 31

О.Г. Каширина

С.Е. Цепляев
Гид, экскурсовод ... Что дальше? 37

З.Г. Артемкина**О.А. Артемкина**

Педагогические возможности Рязанского
музея-заповедника в образовании и воспитании учащихся 41

В.М. Зайцев

Взаимодействие музея и ВУЗа:
из опыта сотрудничества 49

О.В. Зацепина

Внедрение информационных технологий
в деятельность музея русской песни им. А.П. Аверкина.
Создание информационного центра 53

Археография и источниковедение**А.А. Севастьянова**

Губернские ученые архивные комиссии –
последние «свои» в российском
провинциальном пространстве 55

Е.В. Шапилова

Издания Московского печатного двора
в культуре Рязанских земель в первой половине XVII века 58

А.В. Азовцев

Подлинные окладные книги Рязанской епархии 1676 года 67

О.Б. Хабарова

Рязанская тема в «Повести о Петре и Февронии Муромских» 73

И.В. Гунякова

Сочинение англичанина Уильяма Кокса
«Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию»
второй половины XVIII века как исторический источник 77

А.О. Никитин

Список владычных детей боярских 100 (1591/92) года:
опыт реконструкции 81

А.В. Зорин

Редкие документы XVII–XIX веков из Рыльска
(предварительный обзор) 90

А.С. Ена

Жизнь и деятельность митрополита Рязанского
и Муромского Стефана Яворского
в трудах Рязанской ученой архивной комиссии 98

О.Д. Попова

Воспоминания «епархиалок»: источниковедческий анализ 102

Д.Ю. Филиппов

Усадьба Ерлино: материалы к истории памятника 106

Н.Н. Гладиллина

Письменная и книжно-рукописная культура
русской усадьбы конца XVIII – начала XIX века
(на примере сборников стихов, хранящихся в ГАРО) 114

В.В. Боярченков

Проблема местной истории
в научном наследии Д.И. Иловайского 117

Д.В. Губин

Рязанская грамотность и книжность: оценка Д.И. Иловайского
в современном преломлении и поиск «истории» культуры 123

Л.В. Чекурин

Русские исследователи Азово-Черноморской Руси 134

В.А. Антонов

Археологические древности в провинциальной историографии
на материалах Рязанской губернии XIX – начала XX века 151

Н.С. Ватник

«... Прошу уволить меня из гимназии»
(новый источник изучения общественных настроений
учащихся Рязани в начале XX века) 160

Т.П. Синельникова

Подвиг смирения. Архимандрит Владимир
(Василий Петрович Добролюбов) 165

Игумен Серафим (Питерский)

Т.М. Панкова

Деятельность обновленческого митрополита
Вениамина (Муратовского) на Рязанской кафедре
(по документам государственного архива Рязанской области) 176

**Духовная и материальная культура
регионов Центральной России:
проблемы изучения и сохранения**

В.Г. Пуцко

О касимовском резном «антиминсе» начала XVIII века 186

И.Л. Бусева-Давыдова

Икона как исторический источник 194

О.М. Сахарова

Вопросы изучения и презентации коллекции
древнерусской живописи РИАМЗ 198

Ю.А. Козлова

Икона «Тайная вечеря» над царскими вратами
и полемика о времени пресуществления св. даров 206

Е.В. Брюханова

О редких и уникальных
золото-серебряных кружевах XVII века
в собрании музея-заповедника «Ростовский кремль» 211

Т.В. Горшкова

Коллекция тканей Егорьевского музея 222

Ю.Н. Звездина

Орудия страстей Христовых
на произведениях декоративно-прикладного искусства
XVII–XVIII веков 224

М.В. Николаева

Строительство храма: документы и артефакты 229

Е.Г. Одинец

Христорождественский собор Рязанского кремля:
новая датировка алтарной части
по данным исследований 2002 года 235

А.Г. Мельник

О датировке Архангельского собора в Рязани 246

А.И. Цепков

О православии и язычестве 253

М.С. Урманов

Элементы языческой обрядности
и персонажи низшей мифологии татар-мишарей 267

П.В. Акульшин

Религиозно-мистические искания
провинциального дворянства первой половины XIX века 275

А.В. Киселев

Сакральные места в представлениях населения
Ростовского района Ярославской области
(по материалам полевых исследований) 281

И.А. Алексеев

Изба как центр духовного мирозерцания
русского крестьянина 287

О.С. Тян

Мирская святость.
Размышление о христианском миропонимании. 1920-е годы 294

Н.К. Букринская

История зарайского «португала» 303

И.В. Грачева

Быт мещерской глубинки начала XIX века
в «Записках» Д.И. Ростиславова 308

В.Б. Двораковский

Захоронения Остерманов в России и Швейцарии 312

Ю. Морковкин

Е. Чумичева

Рязань и река Ока
в работах С.М. Прокудина-Горского за 1912 год 320

Е.К. Савельева

Саратовская находка: архив А.В. и В.В. Леонтьевых 324

С.Э. Динер

Михаил Бардыгин в художественной литературе,
мемуаристике и кино 329

Н.А. Загрина

И.П. Павлов и современность 336

В.В. Безуглова

Редкие издания по рязанской истории 339

О.А. Никитина

Исторический аспект
правового воспитания подрастающего поколения 342

**Историко-культурное наследие
регионов Центральной России**

Г.Ю. Стародубцев

Охранные исследования
Люшинского археологического комплекса 347

Ю.Б. Журавлева

Обзор сетевых ресурсов
по палеолиту-мезолиту Русской равнины 349

В.П. Челябинов

Поселение эпохи поздней бронзы Лебяжий Бор 1
на Нижней Мокше 354

В.М. Буланкин

Исследование культурного слоя
исторической части города Рязани в 1991–2004 годах 360

Д.А. Иванов

Археологические исследования
в Милославском районе Рязанской области в 2003 году 378

Н.А. Хан

Метрологическая характеристика
Щигровского клада 1952 года 384

А.Б. Пронин

Жабки – первый археологический памятник мещеры 388

В.И. Смирнов

О западных и северных границах
Рязанского княжества в XIII – начале XIV века 400

Д.В. Губин

К вопросу о рязанском вкладе
в дело нестяжателей в середине XVI века 401

М.В. Моисеев

Касимов, «Мещерские места»
в русско-ногайских отношениях XVI столетия 414

А.В. Беляков

Землевладение касимовских царевичей
во 2-й половине XVII века 422

В.В. Крючков

Рязанские предводители дворянства
в последней трети XVIII века 428

О.И. Боярченкова

Роль А.А. Безбородко в развитии русской почты
в последней четверти XVIII века 432

М.Б. Желтов

Жилище крестьян Коломенского уезда
XVIII–XIX веков 437

Д.Ю. Филиппов

П.А. Мальшин и застройка Рязани
рубежа XVIII–XIX веков 441

В.Н. Егоров

Скопинский край: история и люди
в трудах Рязанской ученой архивной комиссии 453

Т.Н. Панферова

Село Ключи: прошлое и настоящее (1829–2004 годы) 458

А.И. Цепков

Забытые имена:
Михаил Эммануилович Поснов и его труды 466

Н.Б. Чельцова

Страницы истории рода Чельцовых –
священников, историков церкви,
духовных писателей, педагогов 472

А.А. Моладикова

Основные пути организации деятельности
Михайловской учительской семинарии
Рязанской губернии в начале XX века
(по материалам ГАРО) 482

Л.Н. Соза

Проблема включения пригородов
в состав территории Коломны в начале XX века
(по материалам РГИА и ЦИАМ) 486

А.П. Киселёв

И жил, и умер как герой!
К 100-летию со дня гибели
генерал-лейтенанта графа Ф.Э. Келлера 491

В.В. Страхов

«Не одолжения просит от вас Родина,
а исполнения долга!»
(«Заем Свободы» в Рязанской губернии) 501

И.А. Филатов

Рязанцы – участники белого движения 510

А.С. Соколов

Образ большевистских вождей
в массовом сознании граждан 516

Т.М. Жиркова

О некоторых изменениях в менталитете крестьянства
центральной России в конце 1920-х годов 519

Е.А. Кирьянова

Новые находки в тульских архивах
по истории начального периода
коллективизации деревни 522

А.М. Круцких

«Как это было...»
(из истории переписки 1941–1945 годов) 525

П.А. Трибунский

Газета «Добрый путь» 528

А.О. Никитин

Подпоручики Кижэ и старцы Пафнутии
рязанского краеведения 534

А.А. Чубур

Археолог Елизавета Калитина
(к 110-летию со дня рождения) 538

Содержание

Н.П. Коренькова

Народный художник СССР

Фёдор Денисович Константинов 543

Круглый стол

«Рязанское культурное гнездо: время С.Д. Яхонтова» 548

Список сокращений 568

Сведения об авторах 572

Содержание 577

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ТРЕТЬИ ЯХОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ,
посвященные
150-летию С.Д. Яхонтова
и 120-летию Рязанского музея-заповедника

Материалы научно-практической конференции
Рязань, 12–15 октября 2004 года

Макет, верстка: Е.М. Сахарова

Издательство РИАМЗ
Лиц. ЛП № 03296 от 20.11.00 г.
390000, г. Рязань, Кремль, 15,
тел. (0912) 21 56 70, 27 60 65
Тираж 500 экз.
Отпечатано в ИПП «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а